

"Ты дышишь солнцем (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

===== Пролог =====

Про Наташу говорили, что она не из этого мира. Худенькая девочка, всегда в дешевых платьях и с книжкой. Сирота. Никому не нужный человек. Но она была нужна — бабушке. Такой же тихой старушке, болезненной и скромной. Но она умерла еще до того, как узнала страшный диагноз внучки. Наташа часто благодарила бога, если он вообще существует, что по крайней мере бабушка умерла, не зная всего этого. Не видя, как ее внучка справляет день рождения в больничной палате. Вся в проводах, медленно умирающая, ведь нет денег на операции в Германии и США. Они подарили бы хотя бы несколько лет.

Пусть бы это были годы, полные боли и страданий, неважно. Ведь Наташа так хотела жить. Положенных по закону лекарств не хватало, чтобы снять боли у маленькой девушки. Обожаемая всей больницей, она слабеющим голосом читала вслух Высоцкого, и за дверью ее палаты плакали даже суровые врачи-онкологи, которые еще недавно мрачно шутили, что их работа — хоронить. Ей приносили книги. Старые и новые, Наташа читала все. Бывало, что от слабости даже перевернуть страницу не получалось.

Умирая на больничной койке, она просила о жизни, о которой читает. Просила о любви и дружбе, ведь она так и не узнала, что это. Просила о семье, о которой будет заботиться. Просила о возможности учиться, петь и танцевать. Да, она просила о жизни. Умирать, не узнав всего этого, ей не хотелось. Но боли усиливались, слабеющие руки не удерживали книгу на весу, а голос отказывался произносить строчки любимых стихов.

А потом ей снился сон. Будто бы она — не она вовсе. А девочка по имени Натали Долохова. И у нее есть родители, которые ее любят, есть замечательный старший брат и магия. Подумать только! Настоящая магия. Словно она попала в закулисы той книги про мальчика-волшебника. Только другое время. Девочка эта болела. И боли преследовали Наташу даже во сне.

Поэтому, когда она проснулась, не хотела открывать глаза. Хотелось еще немного побыть в том сне. Было немного интересно — что стало с той девочкой, ведь ей было так больно, так больно... перед тем Наташа проснулась. А сейчас боли нет.

Она аккуратно открыла глаза. Все еще сон. Не больничная палата, а светлая комната. И она лежит на большой кровати, а в кресле дремлет женщина из сна — ее мама, Татьяна Долохова. Наташа улыбнулась — какой хороший сон. Как хорошо, что она еще не проснулась. И если это смерть, то ей она нравится больше жизни. Но женщина на кресле внезапно проснулась, вскочила со своего места и упала на колени перед кроватью, сжимая руку девочки:

— Доктор! Доктор! — с надрывом кричала она.

И Наташа внезапно поняла, что этот сон слишком реален. Это и не сон. Просто теперь она — Натали Долохова. И эта плачущая женщина — ее мать, а вбежавший в комнату мужчина в лимонном халате — это их семейный колдомедик, мистер Тики.

— Все в порядке, миссис Долохова, все уже в порядке, — тут же успокоил он женщину, с улыбкой глядя на пациентку.

Он помахал палочкой, снова улыбнулся и продолжил:

— С вашей дочерью все в порядке. Она настоящий боец. Так хотела выздороветь, что исцелила себя сама. Настоящее чудо!

— Исцелила? — ахнула Татьяна.

— Я же говорил вам. Проклятье снято, но были опасения, что она не оправится от сильнейшего магического истощения. Раз Натали очнулась, то все теперь будет хорошо.

— Я здорова? — хриплым и непривычно низким голосом спросила Наташа.

— Не совсем так, конечно. Нужно попить укрепляющие зелья. Здоровье слабое, поэтому нужно себя беречь. Даже простуда может уложить вас в постель надолго. Еще денек полежите в постели, с завтрашнего дня я пришлю к вам сиделку, она поможет вам вновь начать ходить. Месяца два и вы будете готовы к нормальной жизни.

Наташа поняла, что плачет, а ее новообретённая мать уже забралась на постель и рыдает навзрыд, обнимая дочь. И хотя на какое-то мгновение в голове Наташи мелькнуло — а куда делась настоящая Натали Долохова, эта мысль тут же трусливо пропала. Разум, измученный болезнью, просто спрятал от самой Наташи эти мысли. Она жива. Она будет жить. И Натали теперь она. Быть может, той никогда и не было, раз Наташа помнит все, что происходило ранее.

===== Глава 1. Героиня другого времени. =====

Первого сентября Натали шла по Лондонскому вокзалу под руку с Тони. Тот улыбался, поглядывая на взволнованную сестру. Позади остались экзамены, которые Натали сдала не столь успешно, как ей бы хотелось. И именно поэтому Ната волновалась особенно сильно. Беспокоилась о том, как ее воспримут однокурсники, ведь она поступает на пятый курс, в устоявшийся коллектив. Боялась нового места, обилия людей. А теперь еще и беспокоилась о том, что не стать ей хорошей ученицей. Раньше учеба ее волновала не особенно сильно. Кроме литературы, конечно. Но девушки ее круга хорошо учатся. Или учатся в школе для девочек в Лондоне.

— Не переживай, — слегка сжимал ладонь сестры Тони, — все догонишь. Ты же была на домашнем обучении.

Та не отвечала, только обеспокоенно оглядывалась по сторонам. Магов было много. Вторая мировая война маглов мало касалась магов. По крайней мере, пока что. А война магов по какой-то причине пока не затронула жителей острова. Многие молодые смельчаки бросались на войну, благовоспитанные барышни мчались работать санитарками. Но при этом в Великобританию шел поток беженцев из Европы. И поэтому в Хогвартсе уже несколько лет было много поступающих на более старшие курсы. На экзаменах Натали познакомилась еще с пятью студентами. Все они собирались поступать на пятый курс. Скорее всего, не меньше новеньких появится и на других курсах.

— Держись меня, — весело говорил Тони, ведя сестру сквозь толпу. — Я познакомлю тебя с моими друзьями.

Его друзья — Максимилиан Нотт и Генри Мальсистер. Оба улыбки, с хорошими манерами. Поговорили о погоде с родителями Тони и Наты, развлекли девушку рассказами о том, какой у нее замечательный и талантливый брат. Ната улыбалась и искренне веселилась. Макс, он предпочитал, чтобы его звали так, был высоким сероглазым шатеном. А Генри просто был очень мощный, с копной медно-рыжих кудрей. Макс был похож на холеного аристократа, вроде мистера Дарси из романа «Гордость и предубеждение», а Генри был кем-то вроде викинга или

могучего шотландского воина из старинных эпосов.

— Мы очень рады, что сестра нашего дорогого Тони выздоровела и теперь присоединится к нам, — признавался Макс. — А еще все до сих пор вспоминают вечеринку в честь прелестной леди Натали.

— Вечеринку? — непонимающе оглянулась на брата Ната.

Тот непроизвольно пожал плечами, при этом взгляд его словно говорил «Каюсь, грешен».

— О, это была шикарная вечеринка в подземельях Слизерина, — Генри мечтательно поднял взгляд к небу. — Мы пили шампанское и водку, откуда-то появилась красная икра, а потом Тони и Виктор пели какие-то странные песни. Но было весело.

— Песни? — опять с удивлением смотрела на брата Ната.

— Цыганские романсы, — притворно смущаясь, ответил тот.

Ната не смогла сдержать смеха и многие парни на перроне оглянулись в их сторону. Настоящей красавицей ее нельзя назвать. Но было в ее внешности что-то особенно мягкое, девичье, отчего она казалась особенно притягательной. Нежный овал лица, чуть полноватые губы. Карие глаза смотрели на мир с добротой и усмешкой. Для этой девушки мир вокруг добр и красив. Шепотки о том, что сестра Антонина Долохова — эта та красавица в платье с зеленым узором, распространились быстро.

— А вот и Том! — радостно воскликнул Макс, заметив в толпе друга.

Натали тут же оглянулась, ища в толпе «того самого» Тома. Не смотря на то, что она прочитала все семь книг о Гарри Поттере, знала она немного. Но не запомнить, что некий Долохов был на стороне пожирателей и как зовут Волан-де-Морта, она не могла. Том Реддл был красивым парнем. Очень светлая кожа, мужественное лицо. Глаза казались черными, и лишь когда он подошел к ним вплотную, Натали поняла, что на свету они темно-зеленые. Прямая спина, отточенные движения. У Наты даже возникли ассоциации одновременно с Печориным, было в нем что-то непонятое, трагическое, и с Питером Бладом, было в его внешности что-то особенно притягательное, порочное, даже опасное. Как скучающий путешественник, искатель приключений, но глубоко несчастный человек, которому нет места в этом мире.

Так вот какой он. Волан-де-Морт. Неужели этот притягательный молодой человек станет безжалостным убийцей? И эти милые парни, что так старательно ее развлекают, станут его пособниками, будут мучить людей, убивать по приказу? От этих мыслей улыбка Наты получилась чуточку натянутой. Предубеждения возникают сами по себе, поэтому Ната особенно не доверяла Тому.

Он вежливо поздоровался, выразил свою признательность Долохову-старшему за ту книгу по темным искусствам. И лишь потом, делясь впечатлениями о лете с друзьями, смог рассмотреть сестру Тони. Судя по рассказам друга, его сестра была ангелом во плоти. На ангела она была не похожа. Скорее на что-то солнечное и сияющее, даже веселое.

— Пора садиться, — напомнил Том, посмотрев на часы. — Я пойду в вагон старост, чуть позже к вам вернусь.

Ната побежала обнимать родителей, но народ на перроне уже зашевелился, места в поезде

начали занимать. Папа помог девушке подняться по ступенькам в поезд и весело подмигнул на прощание. За девушку переживали, но надеялись, что старший брат не даст в обиду любимую сестренку.

Маги чуть медленнее воспринимали новые течения. Но и совсем отгородиться от того, что происходит в мире маглов, все же не получалось. И поэтому все происходящее казалось дикой смесью разных эпох. Средневековые еще не покинуло местное общество. Например кровная месть, дуэли, ранние браки. Общественная жизнь сохранилась на уровне девятнадцатого века. Носили шелка и жемчуга, говорили о литературе и путешествиях. Чувствовалось и влияние «ревущих 20-х», которые пока не желали покидать местное общество. Женщины курили папиросы, коротко стриглись, молодежь собиралась на шумные вечеринки и жаловалась на скуку. Были среди магов представители «потерянного поколения». Маги, так и не научившиеся жить вне войны. Все это смешалось в причудливом коктейле, который так восхищал Нату.

Говорили о войне. Спорили — вступать ли магам Англии в прямое противостояние с Гриндевальдом.

— Он в своей жажде власти перешагнул черту, — с горячностью шестнадцатилетнего юноши вступал в спор Генри. — Я тоже считаю себя сторонником чистоты крови, но она не должна оправдывать геноцид! Если война не закончится до того, как я закончу школу, я вступлю в отряд добровольцев!

— Эти отряды ничего не дают, — возражал Макс. — Как ты не понимаешь, он не просто какой-то сумасшедший, он политик, он стремится к власти и единству. Его не нужно побеждать на войне. Нужно лишь обезвредить самого Гриндевальда, и тогда вся его организация рассыплется, как карточный домик!

— Но это невозможно! Гриндевальд избегает личных встреч, всегда ходит с охраной. И если до него нет возможности дотянуться, то нужно сражаться, а не отдавать всю Европу этому наглецу!

Парни немного горячились, спор, по всей видимости, велся еще с начала войны. Натали улыбалась и терялась в догадках — как эти идеалисты могли стать безжалостными убийцами? Вскоре в купе зашел и Том. Он несколько устало сел в кресло, вытянул длинные ноги. Парни как раз обсуждали неправильность этой войны ввиду большого количества жертв среди мирного населения. Даже при кровной мести у волшебников было не принято убивать жен и дочерей, а Гриндевальд не щадил даже семьи своих противников.

— Он поставил себе цель, — Том говорил низким баритоном, в нем словно слышалось мурчание, — и поэтому считает жертвы оправданными. Цель оправдывает средства.

— Подожди, — все же вступила в спор Натали, — то есть ты считаешь, что для достижения собственной цели можно убивать?

— Смотря какая цель, — лениво пожал плечами Том. — Оправдаешь ли ты кражу, если умирающий от голода украл булку хлеба?

— Он мог ее заработать, — возразила Ната.

— Унижением? — иронически приподнял бровь Том. — Если в стране голод, есть нечего, работой не поможешь. Но, быть может, кто-нибудь согласится обменять кусок хлеба на ммм... некоторые услуги со стороны красивой девушки.

— Том! — протестующе воскликнул Тони.

— Это так, пример, — улыбнулся тот. — Но все же.

— Хорошо, тогда в чем оправдания убийств Гриндевальда? — тряхнула головой Ната.

Том улыбнулся. «Ангел» явно знает, что может потребовать у женщины мужчина. Даже не покраснела от намека, как сделала бы домашняя благовоспитанная девушка. Кажется, маленькая леди читала не только женские романы конца девятнадцатого века. С ней может быть интересно:

— Не знаю. Ему лучше знать. Быть может, если бы он смог достаточно точно подать свои мысли и идеи, то и войны бы не было. Предполагаю, что он желает больше пространства для магов. Маглы стали заметно теснить нас в последнее время.

— Так значит ты поддерживаешь его взгляды? — в голосе Наты проскальзывало отвращение.

— И да, и нет, — начал объяснять Том, но его прервали.

Дверь в купе открылась и внутрь зашла красивая блондинка в школьной форме и со значком старосты.

— Том! — возмущенно начала она. — Опять ушел сразу после собрания, ты хотя бы ради приличия по коридорам бы прошелся.

Но, несмотря на сердитую речь, она закрыла за собой дверь и села на последнее свободное место. Волосы у нее были коротко подстрижены, уложены красивыми волнами в стиле эпохи джаза. А губы она наредила ярко-красной помадой. Тут она заметила Нату и протянула руку:

— Друэлла Розье, Слизерин, пятый курс.

— Натали Долохова, — протянула свою ладошку девушка, — Еще не прошла распределение, но поступаю на пятый.

— Тогда уговори шляпу отправить тебя на Слизерин, у меня в комнате нет соседки. Будет весело.

Блондинка достала из кармана мантии пачку сигарет, Нотт прикурил даме и по купе поплыли клубы дыма.

— Ты теперь в открытую куришь? — ухмыльнулся Макс.

— Сказала матери, что это плата за помолвку. Обещала, что не сбегу из-под венца, если можно курить, пить джин и стричь волосы, — Друэлла выдохнула еще одну порцию дыма, — Разумеется, они согласились. К тому же, душка-Сигнус без ума от моих дурных привычек. О чем болтали?

— О войне, — улыбнулся Тони.

— Ну, это скучно. Кто был на вечеринке Пруэттов в конце августа?

За болтовней дорога пролетела незаметно. К ним иногда заглядывали другие школьники, но присоединяться не решались. Как Натали поняла, Том считался лидером Слизерина, а Макс, Тони и Генри — его ближайшими друзьями. Непокойная блондинка Друэлла была кузиной

Макса, и, по весьма объяснимым причинам, предпочитала мужское общество. Натали поняла, что попала в элиту внутришкольного мирка. Благодаря брату, конечно. Но кто будет разбираться.

В лодочках перевозили не только первокурсников, но и всех новичков. В связи с войной таких было много. Гриндевальд не совался в Англию, поэтому сюда отсылали свои семьи его противники. А детям нужно где-то учиться.

Было пасмурно, Натали искренне понадеялась, что они успеют добраться до замка в этих утлых лодчонках до начала дождя. Первокурсники садились в лодки по четверо, дети постарше занимали одну лодку на двоих. Натали помог какой-то парень, он же и сел рядом. Пара минут, и перед ними предстал темный силуэт Хогвартса. У Натали даже дух перехватило от восторга. Даже издали он казался абсолютно волшебным.

В коридоре их встречал Дамблдор. Натали легко догадалась из-за яркой мантии. Тони ей говорил, что профессор трансфигурации особенно экстравагантен в одежде. В школе судачили, что мантии ему шьет бабушка. Такая абстрактная сердобольная старушка старой закалки. Раньше считали, что яркая одежда увеличивает силу мага, поэтому мантии в горошек и цветочек не были редкостью. Сейчас же они смотрелись слишком странно, ведь мода магловского мира прочно вошла в магический.

Учеников вызывали по старшинству и алфавиту. Совершеннолетние беглецы обычно не продолжали обучение, поэтому Натали услышала свое имя уже через пару минут. А потом весь зал замер, ведь девушка просидела в шляпе почти десять минут. Натали хотела к брату. Шляпа убеждала девушку, что той будет комфортнее на Гриффиндоре или Хаффлпаффе. В итоге, затянувшуюся тишину все же нарушил несколько недовольный голос шляпы:

— Слизерин!

Пока Натали радостно шла к столу Слизерина, Том тихо сказал Тони:

— Зря твоя сестра поступила к нам.

— Почему? — нахмурился Тони.

— А сам не понимаешь? — удивился Том. — Ты посмотри на нее. Видишь ее в наших подземельях?

Тони обернулся к счастливой сестре. Том как всегда прав. Улыбчивой Натали бы больше подошла солнечная башня львов, или теплые комнаты барсуков. Но он все же не мог не радоваться, что его любимая сестренка будет под постоянным присмотром.

Натали действительно поселили в комнату к Друэлле. У Слизерина комнаты были рассчитаны на двоих. Когда-то Салазар настоял на такой сомнительной роскоши, потому что его змейки, без сомнения, индивидуалисты и им тяжело уживаться с людьми. Одного соседа более чем достаточно.

Между двух кроватей было огромное подводное окно. Практически от пола и до потолка. Натали с недоверием прикоснулась к стеклу. Она будто на Наутилусе. Все стены в комнате были увешаны красивейшими гобеленами с незнакомыми сюжетами. А пол застилал пушистый ковер. Было немного сумрачно, от этого еще более волшебно. Все же хорошо, что ей удалось уговорить шляпу. Та все же признала, что у девушки есть некоторые качества, присущие

Слизерину.

— Я ужасна, — весело болтала Друэлла, — моя первая соседка сбежала от меня еще на первом курсе. С тех пор живу одна. Скука смертная. Надеюсь, ты останешься.

— Если ты будешь курить только в ванной, мы уживемся, — отозвалась Ната.

— Кстати о ванной, — Друэлла отодвинула край одного гобелена, — она совсем крошечная и окна там нет. Я была бы рада, если бы ты занимала ее раньше меня, я все равно вечно просыпаю и опаздываю.

Натали улыбнулась соседке. Ее энергия была несколько непривычна, но она напоминала Натали ее отца. Алексей Долохов так же наполнял пространство собой, не давая и шанса спрятаться, он буквально искрился энергией. Да и самой Нате, жившей в детском доме, Друэлла казалась вполне милой соседкой. Подумаешь, курит и держит на прикроватном столике бутылку джина. В ней смешалась мода этого времени и старинные порядки, когда уже в четырнадцать маг считается вполне взрослым.

— Какие предметы взяла? — упала на свою кровать Друэлла.

— А можно тебя называть Элла? — проигнорировала вопрос Ната.

— Элла? — расхохоталась блондинка. — Мне нравится! Это так мило, что совсем не похоже на меня. Нужно будет моему душе сказать, чтобы он меня так звал. А, тебе тоже можно.

Ната расставляла на прикроватной тумбочке рамки с фотографиями. В ее прошлой жизни у нее не было семьи, поэтому теперь эти фотографии ее особенно радовали. Семья. Долоховы посещали магический фотосалон два раза в год, но на всех прежних фотографиях была не совсем сегодняшняя Ната.

Друэлла читала допоздна. В основном модные журналы, светские сплетни, а перед сном снисходила до прочтения учебников. Учиться она не любила, но при этом волшебным образом оставалась крепким середнячком. Во многом благодаря эссе старшего брата, которые она старательно переписывала своими словами. Это все она сама рассказала Нате. И согласилась курить в ванной.

Ната отвернулась от тусклого света настольной лампы Эллы. Засыпать, когда кто-то чем-то занят, она еще не успела отвыкнуть. Тем более, что ее новая соседка ни с кем не разговаривала о каком-нибудь красавчике, не слушала музыку и громко не редела. Почти королевские условия. И просыпаться особенно приятно. В подземельях не было солнца. Поэтому утром комната наполнялась мистическим зеленоватым светом из подводного окна. Ната встала с кровати, подошла к окну. Сможет ли она привыкнуть к подобному? Первые солнечные лучи пронизывали воду, и в этих ярких лучах друг за другом носились два местных жителя. Русалы. Гибкие существа играли, Нате даже показалось, что можно услышать их смех. Как будто она и правда попала на Наутилус.

В ванной было прохладно. В комнате натапливали маленькую печку, и утром было скорее зябко. Здесь же Ната постаралась как можно быстрее умыться и вернуться в комнату — было довольно холодно. Наверное, вода в горячей ванной остывает за пару минут.

Общая гостиная была не менее волшебна. Все те же огромные окна, за которыми проплывали озерные обитатели, кожаные кресла, множество светильников. В гостиной уже собирались первые слизеринцы. Хаосом руководил Том Реддл. Он пересчитывал по головам

первокурсников и требовал поднять остальных, иначе те пойдут на завтрак сами.

— Где Друэлла? — нахмурившись, спросил он у Наты.

— Спит, — пожала плечами та. — С вечера сказала не будить.

— Как ее вообще старостой поставили, — под нос себе буркнул Том. — С таким же успехом можно было вообще старосту пятого курса не выбирать.

— Когда я у нее это спросила, — улыбнулась Ната, — она сказала что-то про древнюю фамилию, помолвку и декана.

Том резко выдохнул и со злобой посмотрел на лестницу в комнаты девочек. У него на лице было написано все, что он думает о древних фамилиях, помолвках и, главное, о странном выборе слизеринского декана. Но Слагхорн имел свое представление об идеальной старосте, а директор Диппет не оспаривал мнение деканов. Поэтому старостой пятого курса стала представительница известной фамилии, помолвленная с представителем другой известной фамилии, и именно это Слагхорн считал важным.

Ната совершенно автоматически поправила сбившуюся мантию у девочки, пригласила непослушные вихры у мальчишки, подмигнула особенно грустному первокурснику и села в кресло с книгой. Том посмотрел на нее с улыбкой. Да, у змеиноного факультета принято заботится друг о друге, но Натали своим появлением и несколькими простыми действиями успокоила панику новичков. Те уже с любовью смотрели в ее сторону. А книга у Наты была странная. На незнакомом языке.

Когда из своих спален поднялся Тони, Том как раз закончил собирать «стадо» новичков.

— Том, ты же на шестом? — с непониманием оглядывал балаган он.

— Такое бывает, когда староста пятого курса еще до начала учебы показывает себя не с самой лучшей стороны, — зло улыбнулся Том.

— А где Гойл?

— Подрался он вчера, — нехотя ответил Том. — Ему бы себя в порядок привести, потом уже будет мелких пугать.

Тони с Натой пристроились в самом начале «колонны» новичков, собираясь идти на завтрак. Ната уже держала за руку девочку, которая явно была напугана происходящим. Полукровка или маглорожденная, — сразу определил Том. О мире магии знают сущие крупитцы, а на Слизерине народ обычно чуть более осведомленный, чем на других факультетах. Испугалась, что все вокруг все знают, а она ничего не понимает.

===== Глава 2. Разорванные души. =====

Неспокойное время давало о себе знать. Ощущение войны буквально просачивалось сквозь, его привозили с собой маглорожденные, об ужасах войны рассказывали те маги, что вырвались из гудящей Европы. Том войны не боялся. Уж если он выжил в Лондоне во время авиационных налетов, то теперь ему ничто не страшно. Наверное, после всего пережитого он просто разучился бояться. Жизнь может оборваться в одно мгновение - стоит ли бояться смерти?

Умирать не хотелось не из-за страха неизвестности. Просто было бы обидно умереть, так и не выполнив всего запланированного.

Вечерами он занимался этой проблемой. Нужно было досконально проверить, как это работает. И подготовить свой дневник, именно из него Том решил сделать первый крестраж. Вещь, которая несет отпечаток личности, хорошо подходит для такой цели. Он разложил на столе книги, проверяя, не вступят ли чары в конфликт при наложении. Занимался он за дальним столом, там же обычно готовилась к урокам и вся его компания. Сегодня Тони, Макс и Генри ушли на тренировку по квиддичу, поэтому он не ожидал услышать голос Натали:

— Можно тебя потеснить?

Том отвлекся от расчетов. Все столы в гостиной были заняты, иначе бы леди Натали, как ее теперь называли, не стала к нему садиться. Том знал, что не нравится этой русской.

— Конечно, — он подвинул часть книг.

Девушка выкладывала на стол книги и свитки пергамента, черные строгие перья. Осторожно взяла в руки книгу Тома, которую тот отодвинул слишком далеко от себя. Собралась обойти стол, чтобы отдать, но замерла, читая раскрытую книгу. Том с внутренним стоном понял, что дальше всего от него лежала книга по темной магии, открытая на описании крестражей. Когда она протягивала ему книгу, в глазах девушки явно читался страх. И Том не выдержал, вспыхнул:

— Осуждаешь?

Та молчала, смотря на него со смесью ужаса и недоверия. Но все же сказала:

— Теперь я знаю, почему ты мне не нравился.

От такой честности Том даже опешил.

— Потому что изучаю темные искусства? — нахмурился он.

— Темные искусства изучают многие. Половина нашей семейной библиотеки посвящена этому. Но это... это не темные искусства.

— Что же это?

— Сумасшествие, — припечатала она.

— Сумасшествие — желать вечной жизни?

— Жизнь? Это не жизнь. Это существование. Прежде чем заниматься чем-то подобным, — Ната кивнула на ворох книг, — прочитай бы, что бывает с личностью при разрыве души.

Том замер. Ничего подобного он не читал, но она так это сказала, что он не удержался:

— Что происходит с личностью?

— А что бывает с человеком, который переживает что-то ужасное, ломающее его?

— Ммм... он становится безразличным ко всему? — предположил Том.

— Он ожесточается. И разрыв души — это боль сильнее насилия над телом. После такого не останется прежнего человека. Появится монстр, который не контролирует себя.

— Говорится, что убийство и так разрывает душу, почему же люди на войне не становятся монстрами?

— Потому что убийство не разрывает душу на части. Оно делает ее нестабильной. Душа — это хранилище самого светлого, что есть в нас. Наши мечты и надежды, любовь и дружба, сострадание. Убийство не может не отразиться на душе. Даже если убивают ненавистного человека, душа будет переживать. Она нестабильна. И тогда можно разбить ее на кусочки.

— Но может мне не нужны мечты и надежды? — хмыкнул Том, стараясь шокировать девушку-идеалистку.

— Тогда зачем ты этим заинтересовался? — нахмурилась она. — Бессмертием ради бессмертия? Тебе это нужно для чего-то. И после создания крестража ты забудешь, почему ты этого хотел. Ты станешь одержим.

— Откуда такая уверенность?

— У русских были большие проблемы с такими безумцами. Книг о том, что это такое, в библиотеке достаточно. О том, как защитники своего народа становились кровавыми убийцами. Крестраж убивает остатки человечности. И не важно кого ты убьешь для его создания — невинного ребенка, или осужденного на смерть убийцу. Иначе бы крестражи никогда не были запретны.

Девушка открыла свои книги и принялась писать эссе. А Том пораженно смотрел в пустоту. Он никогда не задумывался, что некоторые виды магии могут быть запретны не из-за человеческой жертвы, а... из-за безопасности, получается? Скрывая информацию о крестражах, никто не спасал жертв. Старались спасти тех, кто шел на убийство ради бессмертия... Почему он никогда не задумывался о подобном?

Разбирать свои бумаги сразу же расхотелось. Он метался между желанием обрести желанное бессмертие и словами Натали. Он хочет доказать свое величие, показать, как он силен на самом деле. Хочет, чтобы все знали, что даже смерть ему не страшна. Но в голове засели слова о безумии. Он уверен в себе, уверен, что сможет сохранить рассудок, сможет жить даже с крестражем... но почему-то не мог прогнать из памяти выражение брезгливой ненависти в глазах Натали.

Хорошо таким, как она! Не знают печалей и проблем. У нее есть семья, богатство, уважение. Ей легко рассуждать о морали и доброте. Она не знает всего того, что знает он. Да что вообще может знать девчонка, которая росла в таком обожании? Которой в честь поступления на Слизерин присылают огромную корзину свежей клубники. Просто потому, что она ее любит. И отец обменял эту корзину на книгу по волшебным растениям севера России конца семнадцатого века. Что значит для Долоховых бесценный фолиант, если любимица-Натали любит клубнику?

Мысли Тома нарушили пришедшие с тренировки друзья. Они устало падали на кресла, жаловались на ужасную погоду. Тони, вечно веселый Тони, тут же потребовал сестру их вознаградить прочтением чего-то бесконечно прекрасного. Натали красиво читала стихи. Понимать их не мешало даже незнание языка. Мимикой и скупыми движениями рук, а особенно голосом, она прекрасно передавала весь смысл. Даже Том, еще мгновение назад всей душой осуждавший девушку, благожелательно улыбался. Разумеется, Ната сдалась. Прикрыла

глаза, перебрала в памяти сотни стихотворений... посмотрела с грустью, даже тоской, на Тома, и начала:

Его глаза — подземные озёра,

Покинутые царские чертоги.

Отмечен знаком высшего позора,

Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана

От лезвия, пропитанного ядом.

Печальные, сомкнувшиеся рано,

Они зовут к непознанным уладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,

В них ужасы неснятого проклятья,

Они ласкали девушек-колдуний

И ведали кровавые распятыя.

Ему в веках достался странный жребий —

Служить мечтой убийцы и поэта,

Быть может, как родился он — на небе

Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,

В его душе печали без названья.

На все сады Мадонны и Киприды

Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,

И нежен цвет его атласной кожи.

Он может улыбаться и смеяться,

Но плакать... плакать больше он не может.

Как это всегда происходит, на какое-то время их компания замолчала. Тони блаженно улыбался, остальные мысленно восхищались умением передавать смысл, Том же думал. Кажется, это стихотворение немного о нем. А может и нет. Она говорила о ком-то несчастном и одиноком.

— Что это, Ната? — все еще мечтательно спросил Тони.

— Гумилев. «Портрет мужчины», — улыбнулась брату Ната.

— Ты обычно выбираешь своих любимых Ахматову и Цветаеву.

Девушка неопределенно пожала плечами. Стихов она знала огромное множество. И большую часть прочесть вслух не могла. Приходилось каждый раз напрягать память — был ли издан этот стих? Быть может, Тони и не силен в русской поэзии, но вот Татьяна Долохова полностью разделяла любовь дочери к поэтам Серебряного века.

Не смотря на злость и нежелание принять правоту Натали, Том все же озадачился поиском книг по теме человеческой души. И немало удивился, что информации еще меньше, чем о крестражах.

— О душе? — удивленно посмотрела на него библиотекарь миссис Дрейк. — Этого не изучают в школьной программе, слишком уж... сложно в изучении. К тому же на английском языке информации мало.

Библиотекарь пошла по рядам, ища подходящие книги. Том шел за ней, принимая книги с названиями, где вообще мало что намекало о теме души.

— Основные исследования души проводили русские. Хотя есть еще исследования древних греков... но это, в основном, философские трактаты. Я бы вам посоветовала обратиться к приезжим. У нас сейчас много русских, кто-то же должен был перевезти семейную библиотеку.

Том с недоумением рассматривал пять выданных книг. Тонкая брошюра «О душе, разуме и магии», большой справочник по магическим практикам, теория анимагии, критика темных ритуалов и огромная книга по типам творимых чар.

— Это все, где упоминается душа, — сочувственно призналась миссис Дрейк. — Не надейтесь на эту маленькую брошюру, там больше рассказывается о маге и магии. А вот в магических практиках и в теории анимагии есть небольшое разъяснение души. В общем, разберетесь.

Том рассеянно расписался в формуляре. Он сомневался, что сможет найти в этих книгах что-то необходимое. Кажется, придется просить Долохова одолжить несколько книг. И перевести их. Но, а пока с недоверием вчитывался в строки, меняющие все.

«При разрыве личности или души, не зависимо, как и с какой целью, всегда что-то теряется. В том числе и собственная магическая сила. Восстановить магию, поднять ее на достойный уровень можно с помощью ритуалов и особых зелий. Но при этом могут быть утераны родовые таланты, магические дары, даже собственные способности мага. К тому же разрыв столь тонких субстанций отражается и на теле. Начиная от ранней седины и головных болей, и заканчивая бесплодием и отмиранием тканей».

Но и забыть о крестражах Том не мог. Поэтому метался по библиотеке, стараясь найти гарантии, что ему удастся, что прежние неудачи в создании крестражей были из-за ошибок

магов... он искал и не находил. И поэтому спокойствие и отзывчивость Натали все больше его раздражали. Он понимал, что от прямого вредительства его удерживает только то, что она сестра Тони. И Том сомневался, что Долохов после обиды сестры останется его другом.

К удивлению самого Тома, к выходным Долохов принес ему несколько свитков. Небрежно бросил на стол и признался:

— Ната попросила маму кое-что перевести на английский. Мама перевела. И в письме весьма нелестно отозвалась о том человеке, который вообще этой темой заинтересовался. Я не читал переводы... но все же, Том... моя маман из семьи с еще более темным прошлым, чем боевые маги Долоховы. Что могло так ее разозлить?

— Твоей сестре не стоило этого делать, — недовольно заметил Том, разворачивая рукописные свитки.

Татьяна Долохова диктовала перевод самопишущему перу, поэтому строчки были выведены каллиграфическим почерком. А книги, судя по особенностям перевода, были из семейных реликвий. Уж слишком большой упор на выявление, нахождение и уничтожение. А в одном из свитков были то ли сказки, то ли былины.

— Такой уж она человек, — пожал плечами Антонин.

Комментарий к Глава 2. Разорванные души.

Главы будут маленькими. И выходить будут не часто. И стихи, скорее всего, здесь не в последний раз.

===== Глава 3. А ночи здесь темные. =====

Натали нравилось в Хогвартсе. Большой зал, таинственный потолок, дети вносят легкий хаос в величественную готичность этого зала. Вечером над столами парят горящие свечи, по утрам радует глаз голубое небо. Ната закидывала голову, наблюдая как капли сильнейшего ливня пропадают, не долетая до стола. В просторных коридорах всегда шумно, ученики колдуют украдкой, чтобы не заметили профессора. А в классных комнатах такое волшебное оформление.

— Ты часто тут сидишь, — смеялась Друэлла, заходя в их комнату.

— Да, мне нравится наблюдать за обитателями озера.

Натали сидела на пушистом ковре, облокотившись на узкий подоконник огромного окна. Даже не подоконник, так, небольшой порожек. Огромный кальмар иногда величественно проплывал мимо окон, носились стайки рыб, иногда играли молодые русалы. Нате было очень интересно: а как окна спален Слизерина смотрятся с озера? Как огромный подводный дом?

— И не надоедает же, — Друэлла включала свет, делая невозможным дальнейшее наблюдение за происходящим за окном.

А Ната шла в общую гостиную, учить уроки и помогать другим. Она не могла объяснить, почему это делает. Но как пройти мимо грустного первокурсника? Как не утешить смешную рыжую малышку? Как не отругать двух наглецов? Натали все больше понимала, что прежде

желание быть учительницей никуда не пропало. Вот только в магических школах не учат литературе. Учитывая особенности ее семьи, она вполне может сменить профессора Вилкост. Та давно собирается на пенсию. На этом моменте Ната хихикала. Профессор самого боевого предмета в школе из нее получится колоритный. Разбивающий стереотипы.

Что ей нравилось в мире магов, так это отсутствие явного шовинизма. Мужчины здесь не были выше женщин априори. Девушки всегда могли учиться, а затем и работать. Никого не удивляло, что женщины получают мастерство, открывают собственный бизнес, ведут дела семьи. Абсолютный патриархат сохранялся лишь в делах рода и наследования. Главой рода не могла стать женщина. Хотя дочь могла ввести мужа в семью и тогда он станет временным главой, пока их общие дети не подрастут. Еще девочки обязательно должны выйти замуж, это было чем-то непререкаемым. И подарить мужу как минимум одного ребенка. В сущности, после рождения первенца девушка и могла заниматься чем угодно, если это не позорит семью.

В Хогвартсе, впрочем, были девочки, которые всячески подчеркивали, что их главная задача — быть украшением гостиной. И большая часть таких украшений обучалась на Слизерине. Богатые семьи поддерживали такое поведение. Проще устраивать договорные браки, если в этом есть необходимость. Впрочем, некоторые семьи подобное поведение презирали. Блэки, например. Несмотря на лидирующие позиции в списках знатных и богатых, они требовали от девушек не меньше, чем от парней. И эти дамы тоже задавали определенную моду на поведение. Среди них чаще встречались как раз такие, как Друэлла. С короткими волосами и сигаретой. Но на Слизерин такие поступали редко. Друэлла общалась, в основном, с Вальбургой, которая старше ее на год.

С тех пор, как Натали выздоровела, ее имя так же появилось в списках завидных невест. Долоховы богаты, их чистота крови не подлежит сомнению, а Натали красива и хорошо воспитана. Представители многих семей слали Долохову осторожные письма, пытались выяснить, не сговорена ли с кем-нибудь богатая русская. Но Долохов придерживался мнения, что его дети сами выберут себе супругов.

И поэтому Натали часто начинали осаждать женихи. То есть парни, которым толсто намекнули о наиболее притягательной невесте. Примерные сыновья, рассмотрев со стороны Натали, признали в ней подходящую жену. Симпатичная, неглупая. Тихая, не скандалит. А измены в браке никто не отменял. Сейчас самыми активными ухажерами был Магнус Кэрроу, семикурсник Слизерина, и Найджел Диггори, когтевранец с шестого курса. Диггори дарил букетики и звал в Хогсмит. Кэрроу все норовил поцеловать ручку и предлагал провести экскурсию по подземельям. Диггори был слишком... слишком молодым и немужественным. Рядом с ним Натали чувствовала себя взрослой и отважной. А Кэрроу был просто отвратителен со своими грязными намеками и обещаниями показать то, что она еще не видела.

— Леди Натали, — Магнус захлопнул книгу Наты и сел на стол, — Вы так прекрасны, что я не могу сосредоточиться на книге.

Ната тяжело вздохнула. Вечер, библиотека, а тут этот... отвратительный хам. Натэ нравилось время, в котором она живет, именно благодаря этому ощущению безопасности для девушки. Хотя бы в общественных местах. Тут, обняв за талию, можно схлопотать вызов на дуэль. И ухаживание за девушкой подразумевало прогулки с позволения родителей, ужины в присутствии родственников или компаньонки, недорогие подарки. Школа давала чуть больший романтический простор, дети чувствовали себя здесь свободнее. Но Магнус Кэрроу переходил все мыслимые и немыслимые рамки.

— Я тебе еще раз скажу, если ты не понял с первого раза, — улынулась Ната, стараясь

сохранить безмятежность на лице, — Меня не интересуют твои предложения, твои чувства и ты целиком. Еще раз. Советую тебе найти себе другую девушку, которая посчитает тебя милым... а не отвратительным.

За соседними столиками послышались смешки. Друэлла с удовольствием откинулась назад, в ожидании шоу. Магнус был туповат. Не то, чтобы идиот. Но имел вид лихой и придурковатый, говорил что-то двусмысленно неприятное, выливал на себя по полфлакона одеколona... а еще категорически не хотел понимать, что со стороны Натали ему ничего не светит. И что терпение Долоховой не безгранично. Магнус не понимал, потому что опять схватил ладонь Натали — то единственное, что может хватать парень без вызова на дуэль от разгневанного отца:

— Как ты можешь быть так жестока со мной? — взвыл он.

Актер он тоже так себе. И голос противный. И этот жуткий запах одеколona. Ната вырвала руку, а Магнус заголосил еще громче:

— Прекраснейшая, добрейшая, почему именно ко мне ты так несправедлива? Не хочешь принять мои чувства, а ведь они глубоки и неподдельны.

Но за спиной Магнуса уже появилась миссис Дрейк, схватила парня за ухо и вполне по-магловски потащила нарушителя тишины навстречу наказанию. Ната вздохнула. Магнус ее даже немного пугал. Можно, конечно, вызвать его на дуэль, все же родовой талант в ней присутствовал в полной мере. Но вот только тип дуэли будет выбирать Кэрроу. И выберет дуэль на шпагах. Или, еще хуже, на мечях. Имеет право. А тяжелый меч Ната в лучшем случае удержать сможет.

Она не спеша дописала эссе, переписала из книги по чарам несколько любопытных заклинаний, пока Друэлла заканчивала свою работу. Выходили из библиотеки поздно.

— О Мерлин и Моргана, где мои сигареты? — хлопала себя по карманам Элла.

— Знаешь, это уже зависимость, — Ната привычно рассматривала гобелены на стенах.

— Что? — поморщилась Элла. — Ты, бывает, такие странные вещи говоришь... Я забыла косметичку в библиотеке. Пару секунд, ладно?

Блондинка забежала в дверь библиотеки. За пару секунд она не уложится, потому что могла забыть косметичку даже в столовой. Ната, устало вздохнув, прислонилась к стене. Идти обратно не хотелось. И ноги ныли от усталости. Она не привыкла много ходить, тем более, что девушки носили туфли на каблуке, пусть и не слишком высоком. Натали ведь так долго пролежала в кровати, поэтому к концу дня чувствовала невероятную физическую усталость. И хотя она бы с удовольствием еще почитала, поболтала, кому-нибудь помогла... но глаза слипались от усталости.

— Ты что здесь делаешь? — удивился Том, наткнувшись на девушку.

— Жду Элли, — голос у Наты был усталым, — она что-то забыла в библиотеке.

— Уже поздно, — напомнил Том.

— Я знаю, — несколько раздраженно ответила она.

Ната тоже не любила бродить по замку вечером. Он был темный, запутанный, а профессора и старосты при всем желании не могли быть везде. Чем ближе к отбою, тем неудобнее себя чувствуешь. Да и Тони всегда просит не бродить по вечерам.

— Зачем так долго? В гостиной же есть многие книги, — продолжил Том.

— Мерлин с тобой, ты мне что, брат? Задержались мы. Не бросать же на середине. Ты куда-то шел? Вот и иди.

— Я провожу вас, — Том прислонился к стене рядом. — И спасибо за книгу.

— Чем теперь планируешь заняться? Эликсир бессмертия на крови новорожденных? Ритуал отдачи жизни? Создание ножа бессмертия? Или попытаешься отобрать камень у Фламея?

— Я никак не пойму, откуда у тебя такая... нелюбовь ко мне? Я пока еще никого не убил.

— Судя по книге о крестражах, ключевое слово здесь — пока.

— Я не буду убивать ради убийства, — уверенно заявил Том. — К тому же можно найти особые пути. Убийцы, насильники...

— Ты никогда не задумывался, почему воины — почетно, наемные убийцы — как минимум профессия, а темные маги-ритуалисты — это сумасшедшие, которых нужно убить?

Том нахмурился и с недоверием посмотрел на девушку. Та, прикрыв глаза, продолжила:

— Воин убивает в бою, защищая что-то или кого-то. Убийца, в историческом понятии этой профессии, это охотник, который для убийства совершает определенные действия и всегда относится с уважением к своей жертве. Но Темные маги, которые ловят незащищенных девушек... или забирают детей... Подкарауливают, похищают и убивают на алтаре. У них нет уважения к жертве и противнику. В них нет азарта охотника, они лишь эгоисты, отказывающиеся признавать поражение. Или искать другие пути.

— Я — не такой. Я не убью кого-то невинного.

— Это ты сейчас говоришь. А потом, случайно, твой эксперимент убьет, скажем, девочку с третьего курса. И ты получишь свою жертву, заберешь энергию ее жизни и смерти. И скажешь себе — это ведь всего одна смерть. Что стоит жизнь этой прыщавой девчонки. Я стану великим и сделаю лучше жизнь миллионов. И ты убьешь старика, который не отдал тебе нужную вещь. И еще кого-то, кто стоял у тебя на пути... А потом тебе скажут, что родился ребенок, способный тебя победить. И ты убьешь младенца. И его родителей. И еще сотни людей, чтобы привести своих безумных сторонников, таких же садистов, как и ты, в ужасный мир боли и страданий. Если ты сейчас думаешь, что убийство оправдано, то ты мне заранее отвратителен.

— Тони тоже готов убивать, — возразил Том, хотя внутри у него бушевала настоящая буря.

— Тони — воин. Он убьет в бою. Не провожай нас. А то еще решишь, что я стою на пути твоего величия.

Друэлла уже выходила из библиотеки, Ната мотнула головой, требуя уйти быстрее. А Том остался стоять в пустом коридоре.

Почему каждый недолгий разговор с этой девушкой буквально выворачивает его наизнанку? С

ней он старается быть спокойнее, не показывает свое настоящее лицо, но она будто и так знает... даже не так — она будто видит его еще хуже, чем он есть. Что самое невероятное — в ее словах он сам себе кажется неприятным.

Ко входу в женский туалет Том подходил во взвинченном состоянии. Он не выносил признавать чужую правоту. И еще больше бесился, что права именно Натали, а люди такого типа, все пропитанные добротой и состраданием, всегда его раздражали. С грохотом открыл дверь, шумно прошел по проходу, открывая кабинки. И в последней увидел девчонку. Она сидела с ногами на крышке унитаза, уткнувшись лбом в колени.

— Ты что здесь делаешь? — гаркнул он. — Отбой скоро, бегом в спальню!

Девчонка, даже не подумав возмущаться, пулей выскочила из туалета. А Том закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Он никогда не проверяет кабинки. И заходит тихо, смотрит — есть ли ноги в просвете. И эту плаксу он бы не увидел... Вот так и умирают третьекурсницы.

Том не собирался выпускать василиска из Тайной комнаты в замок для охоты на школьников. Да и вообще эту байку с желанием убить всех маглорожденных придумали какие-то фанатики чистой крови. Ну не мог маг, строивший Хогвартс, желать смерти собственных учеников. К тому же, в немногочисленных записях предка, василиск назван защитником замка. Защитником внешних границ. Жаль, что предок не написал, почему скрывал эти подземные залы от других основателей.

Том шагнул в дыру, помогая себе заклинанием самолевитации. И пошел вперед. Василиск был рад появлению Наследника, с удовольствием отправился в запретный лес на охоту. И просился пройтись по замку, проверить защиту, не завелся ли кто-то неугодный в стенах. Том хотел выпустить змея, но сейчас передумал. Его потряхивало от неприятных мыслей. Не будь он так раздражен разговором с Натали, сейчас мог бы прятать труп и следы своего пребывания в женском туалете. Да и комнату рассекречивать не хотелось.

И только спустя минут пятнадцать, пока он ждал змея с прогулки, Том ужаснулся уже самому себе. Она права! Он сейчас думает не о том, что мог бы убить девчонку. Нет, все его мысли заняты тем, что из-за смерти любительницы пореветь, он был бы вынужден стать осторожнее, отправить змея в спячку, искать новое тайное место и разбираться с последствиями убийства. Только то, какие неприятности принесет ему смерть какой-то девочки. И ни единой мысли о том, что это была бы его вина. Даже больше. Несмотря на понимание... он не мог прочувствовать...

===== Глава 4. История одного факультета. =====

После случая с девчонкой в туалете Том стал осторожнее. Вальпургиевы рыцари собирались в заброшенном помещении в подземельях, даже ниже уровня гостиной Слизерина. Парни проскальзывали сюда по одному, стараясь остаться незамеченными. Первоначально они вместе делали домашние задания. Потом увлеклись доказательствами величия своего факультета. Потом начали строить ответные козни Гриффиндору. Сейчас у них сложилась несколько другая структура, скорее даже Тайное общество. Их целью было добиться личных успехов, доказать силу своего рода и вывести магический мир к величию.

Том держал их в железном кулаке, следил за успеваемостью, моральным обликом, даже личной жизнью. В прошлом году, когда Том помог Малфоя устроить помолвку с самой завидной невестой Британии, парни притащили в комнату огромное кресло, обитое зеленым

бархатом. Поставили у стены и обозвали Тома Лордом Судеб. Наверное, с тех пор Том и задумался о подборе звучного псевдонима. Хотелось приставки Лорд... но каждый раз, думая о вариациях, Том видел пренебрежительное фырканье Натали.

К своему собственному недоумению и даже огорчению, Том не мог перестать думать о ней. Практически любые планы, которые вызывают у его рыцарей бурю восторга, кажутся чем-то мелочным и неприятным, если он думает о ней. И лучше не думать, что она сказала бы, услышав «мои рыцари». Отчитала бы, как нашкодившего щенка. И посмотрела бы так, будто Том — что-то мелкое и противное. И он не понимал, как в семье известных боевых магов, довольно беспринципных, к слову, может быть кто-то вроде Натали.

Тони называет ее Нона. Нона. Домашнее имя, как и Тоша. Тони убьет любого, кто его так назовет, но когда девушка зовет его так, он улыбается и уже готов свершать любые подвиги. А вчера ему доложили о чрезмерном упорстве Кэрроу. Кажется, таким взбешенным Долохов еще не был. Даже Том испугался, уж слишком невероятен был Тони в гневе. От убийства, как показалось самому Тому, Долохова удержал только окрик Натали. Тони стоял посреди опаленной окружности, ведь защитный купол упал уже давно. Тяжело дышал и с ненавистью смотрел на Магнуса.

— Тони, — девушка дернула его за руку, заставляя отвлечься от поверженного противника. — Ты что? Да что с тобой? Посмотри на меня. Ты его чуть не убил.

— Я... был зол.

— Зол? Тебя к карьере военного готовят, а ты позволяешь себе злиться?

Она потащила куда-то брата, тот с каждым шагом выглядел все более и более виноватым. Даже сейчас сидит в стороне, уткнувшись взглядом в пол. Боевые маги не могут злиться. Холодный разум и уважение к противнику — вот что делает их непобедимыми. Тони нарушил это правило, за что и получил от сестры. Еще и с извинениями потом к Магнусу подходил. Тот, правда, трясся всем телом и сказал бы что угодно, лишь бы больше не видеть Долоховых. Но теперь к Натали стали еще меньше лезть.

Парни спорили из-за способов связи. Обсуждали как сделать артефакты, чтобы можно было призывать союзников в одно место и передавать хотя бы минимум информации. Том рассеяно листал страницы старинной книги из подземелья Слизерина. Там, кроме всего прочего, были и магические татуировки, привязанные к разуму Господина. Слизерин ставил такие нескольким своим преданным помощникам. И Том раньше хотел предложить именно этот способ связи... но теперь, смотря на описание ритуала, перед ним возникла Натали.

— Ты их будешь клеймить, как скот?

Она этого не говорила. И книгу эту не видела. Но Том был уверен, что если увидит — именно так и скажет. Почему-то ему кажется, что из всех возможных ассоциаций она выберет именно эту. Замечание о том, что татуировки носят лишь криминальные личности, она может посчитать недостаточно емким для выражения своего несогласия.

Том бросил книгу на пол, а сам взерошил волосы, устало прикрыл глаза. И как он до такого докатился? Еще раньше все казалось ему таким простым, дорога ясной, все ходы продуманными. А появилась одна девушка, и он сам себе кажется чудовищем? Что, если она права? Может ли он вообще самостоятельно различать, в каком моменте он перегибает палку? Не выдержав, Том встал с кресла, подхватив книгу.

— Просто придумайте, что зачаровать протеевыми чарами, — на ходу бросил он Макс. — Только незаметное. Или там кольца какие для всех одинаковые сделайте.

Достаточно быстро покинув нижние этажи подземелья, он зашел в гостиную Слизерина. Натали сидела за большим столом и следила, как две девочки отработывают заклинание. Том шикнул на девчонок.

— Марти, — он окрикнул полукровку с седьмого курса. — Помоги этим.

Девушка кивнула и мелкие тут же сбежали к ней вместе с крысами, хотя и выглядели явно расстроенными. А Натали даже немного раздраженной.

— Нужен совет, — начал Том прежде, чем Долохова начнет возмущаться. — Что ты думаешь об этом?

На стол легла книга с татуировками. Девушка, бросив на него еще один недовольный взгляд, подвинула к себе книгу. Том внимательно наблюдал за ее мимикой, Натали не умела ее скрывать. Сначала нахмурилась, потом непонимающе сощурилась, внимательно вчитываясь в строчки, перелистнула страницу, вернулась обратно.

— Тебе придется объяснить мне, — тихо попросила она.

Том внутренне возликовал: сразу не обозвала садистом, уже хорошо.

— Что именно?

— Вот эта часть, я так понимаю, основа заклинания. Так? А во время нанесения рисунка на кожу добавляются отдельные чары по списку. Их можно менять?

Том пододвинул к себе книгу, вчитываясь в строчки и пробегая глазами по сложным схемам.

— Скорее всего, да. Нужно пробовать.

— Сама по себе, интересная идея. Вот это заклинание, — она ткнула пальчиком в середину списка, — Сообщит заклинателю, если носителя попытаются убить и покалечить. Какая-то часть из раздела сигнальных чар, папа учил Тони накладывать подобное на подзащитного. Но остальная часть, судя по схемам, что-то малоприятное.

— Это... что-то вроде магического рабства. И еще некоторые части из ментальной магии.

— В таком проявлении — мерзкая штука. Для чего это использовалось?

— Ммм... Салазар Слизерин ставил такие метки на своих помощников.

— Рабов, наверное, точнее, — хмыкнула Ната. — Он словно боялся предательства, одновременно защищал свое.

Том откинулся на спинку дивана, только сейчас заметив, что сел к Натали чуть ближе, чем позволяют правила приличия. Но та, кажется, этого не замечала, замороженно листая книгу. В некоторых местах она недовольно шурилась, большую часть пролистывала, но где-то останавливалась.

— Он не был боевым магом. Скорее, ритуалистом, — улыбалась она. — Или это не единственный его сборник наработок?

— Не единственный, — согласился Том, — Но для боевой магии у него был Годрик.

— Да, для боевки нужен другой склад ума и характера, — соглашалась она. — Ритуалы требуют постоянных расчетов, таким людям сложно в бою. Чувствуют себя не на своем месте. Хотя мне большинство этих схем никогда не станут понятны. Как... как это вообще?

Она, недоумевающая, ткнула пальчиком в схему одного из заклинаний.

— Мне неудобно об этом говорить, но это заклинание потенции, — Том чуть заметно улыбнулся.

— Оу, — девушка едва заметно покраснела, а Том не смог сдержать смех.

Он нагнулся к книге, рассматривая схему ритуала. Весьма ценный в магических кругах, по слухам. Позволял паре зачать ребенка. Всего-то нужно угробить пару коз. И одного козла. Девушка морщилась, пытаясь разобраться в лаконичных записях Салазара. Тот не утруждал себя пояснениями. Если потомок не смог разобраться в схемах — его проблемы.

— Я думал, ты обзовешь метки чем-то вроде клеймением скота, — признался Том.

— Ну, не настолько, — серьезно ответила Ната, — только если рабов. И вообще, почему ты ко мне с таким вопросом пришел?

— Я... понял, что у меня иногда отказывают тормоза.

Ната оторвала взгляд от книги. Карие глаза смотрели на него с непониманием, даже недоверием:

— Тогда, возможно, ты еще не настолько пропащий человек, Том Реддл.

— Но и ты права, — слова давались ему тяжело. — Я иногда неправильно вижу последствия... неверно расставляю приоритеты.

Девушка кивнула и вновь вернулась к книге:

— Так, значит, Салазар Слизерин — действительно твой предок?

— Да. Угасший род, отец-магл, зато великие предки.

— Тони рассказывал мне. Знаешь, ведьмы более чувствительны к таким вещам... не зря же говорят, что в браках по любви особенно сильные дети? В России даже считают, что ведьме виднее, чья кровь нужна ее первенцу.

Том хмыкнул. Быть может, это и так. Судя по всему, его мать была не слишком-то способной ведьмой. Но все же признался:

— Родню свою не видел, так что промолчу. Но по слухам, с маминой чистокровной стороны у меня уже давно все немного не в своем уме.

Она пожала плечами, но потом вновь радостно попросила:

— А расскажи про Салазара. Вряд ли маг, участвующий в создании школы, был таким уж чудовищем.

Настроение у Наты было просто превосходным. Приближались рождественские каникулы, со дня на день замок должны украсить вездесущей омелой, многие уже начали выбирать подарки близким. Татьяна Долохова обсуждала с дочерью первый прием в доме Долоховых. И сегодня даже Том, обычно вызывающий у Натали опаску, казался вполне добрым и домашним.

— С чего начать? Они ведь были сиротами. Как я понял, были скорее семьей, чем соратниками. Он даже писал не Годрик, а «брат мой». Оборванцы, сироты, потомки британских магических родов. Тогда ведь каждый учитель брал одного ученика. Ну или отец учил сына. У них тоже был учитель. Он упоминается в дневниках. Учитель... иногда Старик. Больше ничего. Только то, что тот умер до того, как они начали Хогвартс создавать.

— Как-то мало сочетается этот замок и нищие оборванцы, — улыбнулась Ната.

Том редко что-то рассказывал. А сейчас просто поддался искушению. Хотел предстать перед Натали в необычном амплуа. К тому же рядом с ней было как-то... уютно? Наверное, именно так. И это чувство было Тому незнакомо и приятно.

— Еще они были гениями. И сильными магами. Я уж не знаю, что именно они придумали и продали, но денег получили достаточно, чтобы школу создать. И по мере строительства что-то продавали, как мне кажется. Годрик был прекрасным дуэлянтом. Кстати, действительно забавно — он был невероятно силен в трансфигурации. И большинство деканов Гриффиндора — профессора Трансфигурации.

— А у Слизерина — зельевары? — предположила Натали.

— Раньше еще был предмет ритуалистика...

— И в этом традиционно сильны слизеринцы, — улыбнулась Ната.

— Да. Равенкло любила магическую науку во всех ее проявлениях. Обычно ее факультет силен в рунах, нумерологии, часто — в чарах. Но больше — руны. А вот Хаффлафф была самой целеустремленной, судя по всему. Она любила основательность, упорство в достижении целей. Там даже не сказать, в чем обычно сильны барсуки... И по отдельности основатели бы не смогли замок построить. Во многих ритуалах Салазара начисто отсутствуют расчеты: их проводила Ровена. А сами ритуалы совершал Годрик. Салазар еще в дневниках жаловался, что его брат бывает непроходимым тупицей, и приходится объяснять все по несколько раз.

— Странно, что сейчас факультеты враждуют... — несколько огорченно произнесла Ната.

— Да они же просто невыносимы! — не согласился Том. — Эти гриффиндорцы вечно шумят, не сидят на месте, хочется их всех связать, чтоб не мельтешили. Почти уверен, что для нормального сосуществования слизеринского и гриффиндорского склада характера, нам нужно вместе пройти все прелести сиротской жизни в военное время.

Ната расхохоталась, откинувшись на спинку дивана. Война змей и львов была постоянной, велась с разными успехами и даже разными способами. И эта ненависть у многих сохранялась и после выпуска.

— Смешно? Ты еще на собрании старост не присутствовала. И не видела всей прелести межфакультетской дружбы.

— Кто хоть первым начинает? — мирно поинтересовалась Ната.

— Как сказать... я бы, наверное, тоже вспылел, если бы какая-то блондинка курила и листала журналы, пока я говорю о необходимости положительных примеров для младших курсов.

Ната улыбнулась. Элла рассказывала, как на собрании старост сцепилась с шестикурсницей-гриффиндоркой. Так сцепилась, что пришла злая и с испорченной прической. Вспыльчивая львица просто потушила ненавистную сигарету небольшим таким дождичком... на всю Друэллу.

— Поэтому тут по-разному, — продолжал Том. — Мы просто бесим друг друга. То гриффиндорцев раздражает наш высокомерный вид, то нашим надоедает шум и паника. И в этом году еще нет Уизли и Малфоя. Вот где перья ключьями летели, едва они в комнату заходили.

Только сейчас Том понял, что к их разговору прислушиваются с особым интересом. Даже смотрят с легкой долей недоверия. Действительно, таким его видят редко... и только близкие друзья. В подземельях Слизерина не принято показывать эмоции на публике. И Том этим искусством владел в совершенстве с первых дней, наравне с чистокровными. Но вот Натали, как и Тони, в общем-то, было плевать на эти правила.

— Тони сказал, что ты отклонил приглашение на рождественские каникулы, — внезапно сменила тему Ната.

— У Вас прием. А я всего лишь полукровка, — мягко напомнил Том.

Он знал, еще не время высовываться. Он еще ничего не достиг. А вот после Хогвартса он сможет показать себя...

— Приезжай, — мягко улыбнулась Ната, собирая свои вещи. — У нас вечеринки другого плана. Будет много музыки, песен и мало политики. Ты же знаешь Тони, неужели думаешь, что он один в семье такой? Англичане всегда немного в шоке от наших привычек, будет много иностранцев и... ммм... людей искусства. Это не чопорные приемы у Малфоев.

Она встала с дивана. Том отстраненно понял, что уже был отбой, а его рыцари все еще не вернулись. Но все это перекрывали теплые минуты с Натали.

— Так уж и быть, — улыбалась она. — Я тебя из предполагаемых диктаторов и маньяков передвину к просто подозрительным личностям.

— Это повышение? — не смог сдержать ответной улыбки он.

— Конечно. До нормального мага вне подозрений тебе осталось совсем чуть-чуть.

===== Глава 5. Вечера у Долоховых близ Лондона. =====

Вскоре учителя приготовили замок к Рождеству. В большом зале высились чудесные елки, перила главной лестницы украсили лентами и еловыми ветвями. Даже в гостиной Слизерина появилась большая ель, а на цепях зеленых ламп приютился остролист. У входа в гостиную коварно распустилась омела. Девушки обходили ее стороной, парни посматривали в ее сторону с шаловливыми улыбками. Традиция целоваться под омелой была чем-то вроде пикантного развлечения местных подростков. Подумать только — можно целоваться на виду у всех. И даже не просто в щечку!

Тони и Том выглядели немного смущенными, потому что веток сторонились как целомудренные слизеринки. За парнями охотились и девочки с других факультетов. Каждая верила, что как только поцелует — сразу поймет, что лучше ее нет. Натали находила такое развлечение забавным. Вполне в духе местных строгих нравов.

— Ты можешь в качестве рождественского подарка встать под омелой и предложить перецеловать всех девчонок Хогвартса, — предлагала она Тони.

Парни за столом расхохотались.

— Так очередь ведь появится, — улыбался Макс.

— И некоторые будут уходить в конец очереди, чтобы уж наверняка, — продолжил Генри.

Дом Долоховых поразил Тома еще издали. К тому же приехали они на автомобиле. Для Тома это было непривычно, маги редко пользовались магловской техникой. К дому вела длинная дубовая аллея. Напротив парадного входа журчал небольшой фонтан. Высокие колонны на входе, широкие окна, обилие света. Все это мало сочеталось со строгими и темными домами местных магических семей.

Долоховы украшали дом к Рождеству сами. И их семейные обеды были не традиционным сборищем, когда каждый член семьи себя пересиливает, а чем-то по-настоящему семейным. Том был поражен и ошарашен атмосферой этого дома. Он словно много лет брел по снежной пустоши, а теперь зашел в дом, где тепло. И неприятно было думать, что скоро придется из этого тепла выйти, потому что это не его мир.

На Рождество Долоховы веселились, стараясь соблюдать типично английские традиции. Даже пели рождественские гимны. Всей семьей, при этом подтрунивая над Томом. Называли его Принцем-Несмеяном, потому что он не присоединился к домашнему веселью Долоховых. А вскоре после Рождества состоялась вечеринка.

Обычно аристократы устраивают приемы. Или балы, хотя последнее сейчас редкость. У Долоховых же обещало быть шумно. Домовики готовили огромное количество угощений, некоторые были весьма необычны. Открывались залы на первом этаже, готовили свечи, ждали музыкантов. Том с долей опаски смотрел на приготовления. Он уже понял, что фуршет и немного вальса — это не про сегодняшний день.

Гости приходили практически без опозданий. Музыканты играли что-то магловское и современное, по залу, наравне с видными представителями аристократии, прохаживались и просто известные личности. Звучал смех, не смолкали разговоры на самые разные темы: от политики и войны, до музыки и литературы. Том смотрел на все это с восторгом. Он наконец-то понял, о каких вечеринках рассказывали ему друзья. Большинство знакомых Тома были сторонниками более спокойных приемов, куда была открыта дорога только богатым и чистокровным. А с теми, кто устраивал нечто подобное, Том был практически незнаком. Точнее, знаком, но Долоховы не принимали гостей до этой осени.

Кто-то уговорил Мариэтту Гудзон спеть. Симпатичная ведьма, лет тридцати на вид, поднялась на сцену, о чем-то поговорила с музыкантами, и музыка стала еще веселее, а возле сцены начало расчищаться пространство. Первыми под звуки модного у маглов свинга начали танцевать Алексей и Татьяна Долоховы. Том считал, что они не могут его удивить больше, чем за эти дни. И он ошибался. Вид Долоховых-старших, лихо отплясывающих что-то крайне забавное, поразил его в самое сердце. Ожидаемо следом за ними в круг выскочил Пруэтт со

своей невестой, Лукрецией Блэк. За ними Друэлла, уже приплясывая, тащила смущенного Сигнуса. Тони танцевал со своей кузиной из Парижа.

— Это линди-хоп, — Натали появилась возле него совершенно неожиданно. — Мои родители любят магловские танцы.

— Я заметил, — пораженно ответил Том. — А ты? Не танцуешь?

— Как тебе известно, я долго болела. Но Тони и меня обещал научить.

Танцевала, в основном, молодежь. Все же среди людей постарше такие танцы были не в чести. Хотя здесь, в мире магов, это было скорее небывалым развлечением, новинкой. Самые умелые пары скоро выдохлись, их место заняли люди поспокойнее, а уже через час по залам полилась мелодия танго. Компромиссный танец, как называла его Друэлла. Танцевать вальс Том все же умел, научили еще на первых курсах. Он, как и все, передвигался по залу, иногда приглашая девушек на танец, иногда останавливаясь выпить и поговорить. За ним с интересом наблюдали, даже обсуждали.

— Кто этот симпатичный молодой человек? — заинтересованно прищурилась леди Эстер Малфой.

— Это Том Реддл, — ответила ей подруга, леди Марианна Лестрейндж, — Красив, не так ли? Гостит у Долоховых. Полукровка. По непроверенным слухам его мать была из Мраксов.

— Да? Они же... перегнули палку в сохранении чистоты крови, — несколько презрительно вспомнила Эстер.

— Видимо, отец-магл дал мальчишке самое лучшее, что можно взять от магла.

— И этот магл тоже был не из бедняков, — отметила женщина аристократическую внешность Реддла.

— Слышала, что он лучший на курсе, — уже тише продолжила Марианна, — пользуется авторитетом на Слизерине, талантлив и до сих пор не завел сердечной привязанности.

Обе женщины еще раз проследили, как Том отправился танцевать с Натали Долоховой. Девушка много танцевала. Своеобразный этикет требовал пригласить на танец дочь хозяев вечера. Поэтому ноги у Натали уже гудели от бесконечных танцев.

— Устала? — угадал состояние девушки Том.

— Нужно сделать перерыв, — мягко улыбнулась она. — Завтра вряд ли встану с постели. Слишком много танцев.

Том кивнул и проводил Нату к креслам. Даже сел рядом.

— Ты можешь идти танцевать, — в голосе Натали уже чувствовалась усталость.

— Я тоже немного не привык к таким насыщенным вечерам, — ответил Том. — У вас очень много знакомых не из аристократии...

— Мы с мамой большие поклонницы искусства, — улыбалась Ната. — Часто посещаем театр, любим концерты. Когда я особенно сильно болела, папа приглашал к нам домой актеров, художников, музыкантов... Сам понимаешь, круг знакомств у нас довольно своеобразный. К

тому же у нас много гостей с материка. Видишь, тот парень, с такой бородкой. Тони называет его Козлик. За спиной, конечно. Это сын папиного школьного друга. Игорь Каркаров. Он учится в Дурмстранге. А вот те три симпатичные блондинки — сестры Романовы. Дальние родственницы убитого российского царя, не могут легально вернуться в Россию. Женевьева и Алессандер, наши кузены, мамина сестра вышла замуж за француза. К тому же здесь много магов, которые бежали из Европы. До начала войны мы часто отдыхали во Франции и Италии.

— Особая атмосфера, — кивнул Том.

— Мы предпочитаем считать, что семья у нас не принадлежит ни одной стране.

— Но при этом читаете русские стихи и поете песни, — возразил Том.

— Россия в сердце у любого русского, — чуть повела плечами Ната. — Это не отнять. Если бы у нас появилась возможность, мы бы вернулись. Но раз нет, то пока мы живем в Великобритании.

Вскоре гости начали расходиться, пока в итоге не остались лишь самые близкие — родня Долоховых, друзья Тони, Друэлла, спровадившая своего жениха, несколько близких друзей Алексея.

— Нона, душа моя, солнце мое, — уговаривал девушку дядя, Григорий Долохов. — Я ведь так редко тебя о чем-то прошу. Для меня. Все, что хочешь, подарю. Только мою любимую. Спой, Натусик.

Том с интересом оглянулся. У всех Долоховых были хорошие голоса, Тони не стеснялся петь под гитару в гостиной Слизерина. И Дома Татьяна часто напевала что-то. Но он никогда не слышал, чтобы пела Ната. Хотя в семье говорили, что в детстве она любила петь.

— Дядя Гриша, ну сколько можно, — смеялась Ната в ответ. — Вы каждый раз просите. Я ведь больше не занимаюсь.

— Но ведь для меня. У тебя голос, как у твоей бабушки. Как она любила петь романсы. Хочешь я тебе коня подарю?

— Зачем мне конь? — взмолилась Ната. — Цыган у нас в родне вроде не было.

— Ну хорошо, машину. Что ты хочешь — выбирай.

Ната качнула головой, словно сдаваясь перед напором дяди. Татьяна тут же оттеснила от рояля музыканта, Долоховы начали собираться вокруг инструмента, а Ната, чуть прикрыв глаза и кивнув матери, начала:

Ехали на тройке с бубенцами,

А вдали мелькали огоньки.

Эх, когда бы мне теперь за вами,

Душу бы развеять от тоски!

Дорогой длинною, погодой лунною,

Да с песней той, что в даль летит, звеня,
Да со старинною, да семиструнною,
Что по ночам так мучает меня.

Да, выходит, пели мы задаром.
Понапрасну ночь за ночью жгли.
Если мы покончили со старым,
Так и ночи эти отошли!

Дорогой длинною, погодой лунною,
Да с песней той, что в даль летит, звеня,
Да со старинною, да семиструнною,
Что по ночам так мучает меня.

Никому теперь уж не нужна я,
И любви былой не воротить,
Коль порвётся жизнь моя больная,
Вы меня везите хоронить.*

Сначала она просто пела, а от голоса словно мурашки по коже шли, но к припеву она чуть повела плечами, начала пританцовывать, на лице появилась какая-то особенная улыбка. Том, кажется, понял, что имеют в виду, говоря: «в тихом омуте черти водятся». Всегда спокойная и сдержанная, сейчас она смотрелась даже более откровенной и страстной, чем Друэлла, с ее сигаретами и манерами на грани приличия.

А за завтраком Долоховы вновь вгоняли Тома в краску. Татьяна горела желанием отпраздновать совершеннолетие Тома с размахом, Том ожидаемо терялся от подобного внимания. Тони, смеясь над другом, наконец решил прервать диалог:

— Соглашайся, Том. Ты имеешь дело с русскими. У нас это нормально.

— Устраивать праздники? — нахмурился Том.

— Иногда к нам приезжают гости, — улыбаясь, начала объяснять Ната, — и мы никогда не знаем на сколько дней, месяцев или даже лет они приехали. И все то время, что они у нас живут, мы считаем нормальным праздновать с ними все, что можно отпраздновать.

— Проще говоря, — прервал сестру Тони, — прекрати строить из себя святую невинность. Потому что мама уже придумывает расположение столов. Отказываясь, ты лишаешь ее удовольствия.

Татьяна улыбнулась гостю самой милой улыбкой. И Том понял, что спорить с этой семьей совершенно бесполезно.

* Неполный текст, прогуглите сами. Написан в 20-х годах, но этот романс был особенно любим русскими эмигрантами. Традиционно после припева можно весело отплясывать, напевая что-то вроде «Ла-ла-ла-лай».

===== Глава 6. Змеиное сердце. =====

В начале января решили идти к родне Тома, в Литтл-Хэнглтон. Том долго откладывал, да и несовершеннолетнему сложно добраться самостоятельно. Теперь же ему с Тони по семнадцать лет, можно смело идти. Даже окажись его дядя абсолютно сумасшедшим, они смогут с ним справиться. Несмотря на все уговоры, Ната шла с ними. Татьяна поддержала дочь. Сказала, что она убережет мальчишек от необдуманных поступков.

Согласно этикету, они аппарировали вдалеке от дома. Ната чуть поморщилась, аппарация доставляла ей особые неудобства. Том посмотрел на разбитую проселочную дорогу, что вела к хижине его магической родни, на еще более далекое поместье магловской родни, и уточнил:

— Ты все еще уверена, что хочешь с нами? Идти долго.

— Мне полезны пешие прогулки, — улыбнулась девушка, расправляя складки на теплой мантии.

Снега не было, поэтому Тони наложил на всех заклинание, отталкивающее грязь, и они пошли к хижине, скрытой за деревьями. Единственное, что было известно о Мраксах — сейчас жив лишь дядя Тома, Морфин. Дом скрывался за деревьями, а на двери полуразрушенной хижины висела мертвая змея. Ната едва заметно вздрогнула от отвращения. Том моментально уничтожил змею. Родичи, которые вешают на дверь труп змеи... кажется, с родней Тому не повезло даже больше, чем он думал. Еще до того, как Том постучал, дверь распахнулась и на пороге появился Морфин Мракс. Высоченный, с копной невымытых волос, какой-то особенно грозный и страшный. И тут же что-то яростно зашипел.

— Да никак ко мне заглянул сам Реддл? Я, пожалуй, убью тебя...

— Я твой племянник, вообще-то, — на парселтанге прервал его Том. — Хотя не уверен, что хочу им быть.

— Грязный полукровка! Сын потаскухи!

Натали пришлось повиснуть на руке Тома. Оскорбления в адрес матери он воспринимал крайне болезненно, в такие моменты его слизеринская выдержка трещала по швам и проявлялась вспыльчивая натура самого Тома.

— Том, не надо, — Натали не знала, о чем они говорили, но намерения Тома были вполне понятны.

— Этот... оскорбляет...

— Он сошел с ума. Посмотри на него. Одинокий, забытый всеми. Ты уверен, что хочешь

считать его родней?

— Еще одна потаскушка? — засмеялся Морфин уже не на парселтанге и теперь с палочкой наперевес ринулся Тони, который сроду не славился Слизеринской выдержкой.

Натали понимала, что двоих она точно не удержит и сейчас Морфин просто умрет. Вопрос только от чего — Авады Тома, или мудреного проклятья Тони. Но все же считала, что проклятье Тони срабатывает не сразу, можно успеть уговорить его снять, а вот Авада убивает сразу.

— Прекратите! — она еще сильнее потянула Тома прочь от дома.

Но он уже не желал убивать этого грязного мага. Прежние мысли о том, что он слишком жесток, вернулись к нему, как только он услышал голос Наты. Он действительно был готов убить родича. Пусть и такого никчемного, как Морфин Мракс.

— Тони, — скривившись, окрикнул друга Том. — Что-нибудь не смертельное, но крайне неприятное.

Морфин отшатнулся от двери, стараясь спрятаться за дверью, но скрыться от Антонина Долохова непросто. Быстрым движением палочки он отправил одно крайне неприятное проклятье. С самодовольной улыбкой он заметил, что дверь захлопнулась уже после попадания проклятья и из-за двери раздалась отборная ругань.

— Уходим отсюда. Надеюсь, маглы будут поприятнее твоего дядюшки.

Том не переставал оглядываться на хижину, боясь мести сумасшедшего. На самом деле он больше надеялся на магическую родню. Но его последний живой родственник оказался просто спятившим змееустом. До огромного поместья Реддлов шли в тишине. Том размышлял о своей родне, шедший чуть позади Тони был занят мыслями более веселыми. Натали весьма неплохо смотрелась, идя под руку с его лучшим другом. А Том, даже погруженный в свои невеселые мысли, осторожно вел девушку по ухабистой дороге, сдерживая шаг.

Поместье Реддлов представляло собой огромный дом в окружении зеленых лужаек. Весь первый этаж был густо увит плющом, возле дома прогуливалась пожилая женщина. Она с недоверием смотрела на троицу приближающихся гостей. Особенно ее внимание привлекал молодой человек, что вел под руку девушку. Еще до того, как они подошли к ним, Мэри Редлл знала, что это ее внук. И еще до того, как Том заговорил, она твердо решила удержать мальчишку, ведь у ее Тома не было детей.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Том. — Меня зовут Том Реддл. Я сын Меропы.

Мэри ахнула, прижав ладонь ко рту. Они не знали, что от недолгого и нежеланного брака их сына мог быть ребенок. Законнорожденный. А она ведь думала, что этот мальчик родился от одной из интрижек ее сына.

— Здравствуй, — чуть дрожащим голосом ответила она. — Я — Мэри Реддл. Получается, твоя бабушка.

— Это мои друзья, — чуть кивнул Том. — Антонин Долохов и его сестра Натали.

— Пройдемте в дом. Выпьем чаю.

И чего-нибудь покрепче — подумала Мэри. Появление внука многое меняло. Быть может, и ее непутевый сын немного придет в себя. Если не из любви к забытому ребенку, то хотя бы из нежелания видеть его здесь. Отсутствие внуков сильно огорчало Мэри, а ее мужа огорчало отсутствие наследников. Том же не желал не только жениться, он даже не разузнал, где его жена. Нищенка Меропа совсем не интересовала и Мэри. В отличие от ее сына.

В холле было темно и прохладно. А комнаты, хоть и были довольно светлыми, не казались уютными. Дом был словно нежилым. Том оглядывался по сторонам, рассматривая богатую обстановку дома. Он знал, что магловская родня владеет поместьем, но он не думал, что они так богаты. К тому же ему здесь было неуютно. Налаживать отношения с отцом он особенно не хотел, любопытно было его увидеть. Все же Том унаследовал пренебрежительное отношение к маглам, свойственное Мраксам. Но, в отличие от мага-дяди, его никто не оскорбляет и не гонит палками.

Мэри же судорожно размышляла. Вряд ли Меропа воспитала сына с уважением к отцу, который их бросил. Скорее всего, парень просто захотел познакомиться с родней. Быть может — из-за денег? Тогда все будет гораздо проще, можно будет уговорить мальчика переехать к ним...

Но Мэри совершенно не представляла, что ее внук умеет превращать табуретку в кошку, отращивать ножки чайным чашкам и делать цветы из воздуха. Для нее стало откровением, что сын не шутил насчет «ведьмы». Меропа действительно умела колдовать, как и Том. И он — сирота. А значит, в силах Мэри привязать к семье внука, пусть даже этот внук колдун.

— Как все прошло? — Ната пила кофе, когда Том вернулся домой.

Он остался переночевать у родни, а вот Тони и Ната вернулись домой.

— Странно. Отец, — тут Том скривился, — меня ненавидит. Для деда же было интересно только мое умение считать прибыль и убытки, а бабушка...

Том замолчал, но Ната и сама поняла. Бабушка. Не бабка, не Мэри, а бабушка. Это о многом говорит.

— А она просто хочет внука, — догадалась Ната.

Том улыбнулся. Ему было непривычно в той семье. И пугало осознание, что он действительно похож именно на них. Они высокомерные снобы, ценят лишь выгоду семьи, не желают опускаться до уровня собеседника, не видят смысла быть милыми с людьми ниже их по статусу... они — совсем как Том. Когда он шел туда, он многое хотел сказать отцу. Из-за него ведь умерла мама, из-за него он жил в приюте, был вынужден трястись от страха во время бомбежек Лондона, жил впроголодь, работал с малых лет... но на самом деле, в глубине души, он понимал, насколько он похож на него. Если бы кто-то опоил его зельем, то никакой ребенок бы его не остановил, чтобы уйти. И он бы тоже не жалел об уходе. И это понимание его пугало, потому что он хотел ненавидеть своего отца.

— Она предложила мне на летних каникулах пожить у них, — улыбнулся Том. — Сказала, что хочет чуть лучше познакомиться со мной. Думаю, я съезжу к ним еще завтра с утра...

Ната лишь улыбнулась, понимая чувства Тома. Даже если дед и отец ему не рады, Том поедет. Потому что там есть родственник, которому он нужен. Она бы тоже так поступила, даже при том, что ему страшно узнать о неискренности бабушки, он боится довериться, это видно по его показному безразличию, по смятению в глазах. Он хочет верить, хочет почувствовать себя

частью семьи... но после приюта это очень сложно.

— Чаю? — прервала размышления Тома Ната. — Или можешь поймать папу, он хотел тебе что-то сказать. Просил зайти.

Том метнул быстрый взгляд в сторону выхода из малой столовой, но все же попросил кофе и для себя. Желание посидеть здесь вот так, вдвоем, пить кофе, слушать Натали, смотреть на нее... Том не мог отказать себе в таком удовольствии. К тому же она здесь одна и это особенно сильно удерживало Тома в этой комнате.

— А чем они занимаются? Ну, Реддлы, — Ната поставила кофейную чашку на стол.

— У них поля, как я понял. Сдают землю и дома в аренду. Для какой-то части земли нанимают работников. И еще у них акции нескольких компаний. Знаешь, что такое акции?

— В магическом мире тоже есть акции, — улыбнулась Ната. — А если не работают? Чем еще занимаются?

— Они — типичные представители снобов, — хохотнул Том. — Охота, конные прогулки, сплетни. Бабушка любит читать любовные романы. Кажется, это все.

— А с остальными родственниками тебя не обещали познакомить?

— А их нет. В семье Реддлов всегда один ребенок. Мальчик. А у бабушки если и есть родня, то мне она о ней не рассказывала.

Ната кивнула. Том же не спускал взгляд с девушки. Она пальцем водила по краю кофейной чашки, чуть надула губки, как всегда делала, когда задумывалась над чем-то, а в волосах словно запутался лучик солнца. Натали пробуждала в нем незнакомые чувства и эмоции, которым Том часто не мог найти имени. Но не этому. Он привык быть честным с собой и не видел смысла избегать очевидного. Он полюбил ее. Как иначе назвать эти чувства? Но сказать он не решался. Он недостойн такой девушки. И дело даже не в пресловутой чистоте крови. Дело в ее доброте, в ее сострадании, в какой-то кристальной честности, дружелюбии.

— Прочитай что-нибудь, — попросил он.

— Что? И ты туда же? — удивилась Ната, солнце блеснуло в волосах, когда она резко повернула голову.

— Когда ты читаешь стихи, мне хочется выучить русский, — честно признался он.

Она опять засмеялась, отчего Том тоже непроизвольно улыбнулся. Но все же постарался принять более несчастный и просящий вид, надеясь, что не выглядит при этом глупо. Натали, пару секунд внимательно смотрела на Тома, а потом сдалась. Как всегда, она вздохнула, на несколько секунд закрыла глаза и начала читать. Даже не читать, а словно актриса на сцене, она голосом и мимикой передавала чувства.

Не будем пить из одного стакана

Ни воду мы, ни сладкое вино,

Не поцелуемся мы утром рано,

А ввечеру не поглядим в окно.

Ты дышишь солнцем, я дышу луною,

Но живы мы любовью одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,

С тобой твоя веселая подруга.

Но мне понятен серых глаз испуг,

И ты виновник моего недуга.

Коротких мы не учащаем встреч.

Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,

В твоих стихах мое дыханье веет.

О, есть костер, которого не смеет

Коснуться ни забвение, ни страх.

И если б знал ты, как сейчас мне любы

Твои сухие, розовые губы! *

Когда Том поднялся наверх, в кабинет Алексея Долохова, у него в мыслях до сих пор звучал ее голос. Он бы немало удивился, если бы в данный момент смог прочесть мысли Долохова. Тот несколько рассеянно смотрел на парк за окном. Тони рассказал, что его друг уделяет Ноне внимания больше, чем любой другой девушке. И что сестра явно как-то взбудоражила парня, Том стал спокойнее и мягче. Долохов, несмотря на веселость, широкие жесты и ощущение праздника, был тонким психологом. Он видел парня насквозь. Видел, как тяжело Реддлу принимать подарки, насколько сильно он стремится доказать всем, в первую очередь самому себе, что он лучше всех. Что достоин большего. Такие не подходят для научной работы, в аврорате ему будет сложно подчиняться приказам, слишком острый у парня ум. И при этом Долохову не хотелось пускать дела парнишки на самотек. Такие, как он, могут стать непревзойденными лидерами.

— Проходи, садись, — отвернулся от окна Алексей. — У меня к тебе предложение.

— Какое?

— Вот, читай.

Долохов выложил на стол несколько листов. Том, едва взглянув на них, побледнел:

— Вы не берете учеников, — он старался подавить восторг, боясь, что ему показалось, и это не договор об ученичестве.

— Не брал, — исправил Алексей. — В нашей семье не принято разглашать семейные наработки.

— Тогда почему предлагаете мне?

— Брось, не смотря на кажущуюся безалаберность, даже Тони заметил твои чувства к Натали. Что уж говорить о моей жене, которая уже просчитала вашу совместимость и начала придумывать оформление зала. Мне остается только помочь тебе.

— Я не... не посмел бы просить ее руки.

— Значит ты трусливее, чем я думал.

Том резко вскинул голову, с непониманием смотря на старшего Долохова.

— Неужели ты думаешь, что семью можно оставить на потом? Вариант «добьюсь всего, потом займусь семьей» в мире магии приводит к одиночеству. Сколько из твоих однокурсников еще не помолвлены? Сколько девушек не определились с выбором жениха до совершеннолетия?

— Я знаю, в магическом мире брак расценивают как партнерство, — кивнул Том.

— Если при этом есть любовь — то это считается невероятной удачей. Нас с Таней ты устраиваешь в качестве партнера. Так что читай и подписывай. Закончишь ученичество, устроим тебя в отдел магического правопорядка.

Долохов замолчал, рассматривая удивленного Тома, а потом весело усмехнулся:

— Только Ноне не говори, что мы уже все решили. Она слишком любит свои книжные истории. Еще взбунтуется, сбежит. Но можешь считать, что получил разрешение на ухаживание.

* Анна Ахматова. 1913 г.

===== Глава 7. Маленькие тайны. =====

Известие об ученичестве Тома разошлось среди чистокровных достаточно быстро. Из любопытного полукровка он был мигом переведен в крайне привлекательного молодого мага. Долоховы — непревзойденные дуэлянты. Им нет равных не только на официальных соревнованиях, но и в открытом бою. И учеников со стороны они брали всего несколько раз, и это было еще в России. Некоторые предполагали, что Алексей таким образом устраивает будущее дочери. Но пока это было скорее любимой сплетней романтически настроенных дам, все остальные не видели в этом смысла. Англичанам казалось, что браком дочери Алексей упрочит свое положение в стране. Никто ведь не мог представить, что Долоховым это не столь важно.

Тома обучали не столько умению побеждать в дуэлях, сколько вообще умению обеспечить защиту, контролировать толпу, вести боевые действия. Алексей высылал копии книг, которые исчезали через одну-две недели, поэтому Том старался изучить их как можно быстрее. И все больше понимал, почему именно Отдел магического правопорядка*. Основные знания Долоховых скрывались вовсе не в боевых проклятьях, а именно в умении обеспечить безопасность, контролировать, а войну оставляли на крайний случай.

— Как Вас вообще выпустили из России? — пораженно спрашивал Том у Тони. — Это же... Да один маг может защищать несколько семей одновременно...

— Ну, поэтому мы так долго в России и оставались, — чуть нахмурился Тони. — Какое-то время Долоховы были многочисленным кланом. Но потом многие мужчины погибли на войне. Что-то связанное с магическими источниками на черноморском побережье. Долоховы ведь были на государственной службе. Ну и тогда наши кровники и активировались. За пять лет, не смотря на все таланты, от остатков большого клана осталась лишь главная ветвь. И они решили уехать в Европу. Я родился в Париже. Но там папе не нравилось. Говорит, слишком уж французы... манерные.

Том неопределенно хмыкнул. Он знал слишком мало французов, чтобы давать какие-то характеристики всей нации. Он лишь притягивал к себе очередную книгу по защите домов и поместий. Сочетаемость заклинаний, правила настройки оповещений, пути отхода. Основной упор — на защиту отдельного здания. Затем ему предстоит освоить заклинания для общественных мест, временных баз и даже мест случайного сбора большого количества магов. При этом Том не мог отогнать от себя мысли о том, как вплести эти заклинания, то есть что-то непостоянное, в ритуалы, проведение которых может обеспечить защиту дома на сотни лет.

А еще он постоянно корил себя за эту нерешительность. Сказать Натали, что она для него стала кем-то большим, чем сестрой лучшего друга, он не решался. Но при этом постоянно боролся со вспышками ярости, если к ней подходил кто-то посторонний. А она улыбалась, смеялась над чужими шутками, даже ее взгляд, обращенный на другого, казался Тому украденным. Он закрывал глаза, тяжело вздыхал и напоминал сам себе, что он не имеет права распугивать всех вокруг. Тони, подмечая состояние друга, только усмехался. Эта робость перед девушкой была совершенно нетипична для Тома.

Но для Тома остро стояла и другая проблема. Несмотря на имеющийся опыт общения с противоположным полом, он совершенно не представлял в такой ситуации Натали. Раздираемый желанием быть рядом и боязнью чем-то ее обидеть, он в итоге оказался за ее привычным столом с тетрадью и англо-русским словарем. Ната иногда не могла сдержать смех, а Том все больше понимал, что в России живут совершенно невозможные люди, которые говорят на каком-то невероятном языке.

Впрочем, Натали была хорошим учителем, хотя учить русскому языку ей было особенно непривычно. Будто все вывернули наизнанку, и теперь приходилось не самой себе напоминать о некоторых особенностях английского, а говорить о совершенно невероятных особенностях русского.

— Мне никогда не понять, почему стакан на столе стоит, а книга — лежит, — признавался он.

— Честно говоря, я тоже не понимаю, почему именно так, — задумчиво отвечала Ната. — Может, стоит запомнить как устойчивую фразу?

— Кажется, весь русский язык состоит из сплошных устойчивых фраз, — вздохнул Том.

— А знаешь... — Ната задумчиво посмотрела на книгу и стакан, которые только что описывал Том. — Можно еще вот так.

Она, допив воду, опрокинула стакан на стол, а книгу, чуть распахнув страницы, поставила ребром:

— Так стакан будет лежать, а книга — стоять.

— Мерлин всемогущий! — взмолился Том. — Зачем ты это сделала?

Несмотря на все неожиданности, Том старался придерживаться своих прежних привычек. Все так же три раза в неделю собирались Вальбургиевы рыцари. Обсуждали политику, сплетни магической аристократии, иногда что-то из новых придумок магов, достаточно часто — связанные с бизнесом проблемы. Сегодня с особенным рвением обсуждали проблемы старика Огдена.

Оказывается, в мире магии есть определенные проблемы с поставкой зерна. Магия позволяет собирать два, а то и три урожая в год, но вот сажать его по-прежнему негде. Среди магов мало тех, кто занимается чем-то подобным. На домовиков все не сбросишь, да и поля нужно прятать от маглов, а готовых трудиться не было. К тому же маги избегали вести такие дела с маглами. Не будешь ведь своему поставщику каждый раз память стирать. А если нет, то он очень удивится пропаже зерна прямо со склада.

— Какая цена? — уточнил Том у Макса.

А потом напряг память, вспоминая бухгалтерские книги своего деда. Почти в два раза дороже. Том в задумчивости отошел от стола, прислонился к стене. Как его семья, они имеют право знать о магии, Статут не распространяется на близких родственников. Один нанятый волшебник не сможет обеспечить три урожая в год, а вот один, но очень хороший — это вполне возможно. К тому же дед говорил, что было бы неплохо найти способ заработка и в магическом мире. И Том только что его нашел. Только нужно договориться с дедом, найти мага, который будет присматривать за полями, и при этом постараться опять не разругаться с отцом.

Отношение в магловской семье у Тома были странными и неровными. Бабушка явно старалась его удержать, любила с ним разговаривать, просила прогуляться вместе. Очень надеялась, что на летних каникулах он приедет к ним. Дед был достаточно жестким человеком, к тому же несколько зацикленном на семейном бизнесе. С появлением Тома он чуть расслабился: все же дед очень переживал, что у его сына нет наследника.

Эта готовность принять его, даже не зная, поражала Тома. Быть может, такова реакция уже постаревшей пары на появления внука, или сыграл факт того, что Том очень похож на отца, а может они просто доверились интуиции. Том не знал. Но уже перед отъездом с каникул дед и предупредил его, что переписывает завещание и готов уже сейчас помочь внуку устроиться в магическом мире, раз мир маглов все же не для него.

— Кстати, — Том вновь вернулся к столу, — мы с Тони начали на каникулах, я недавно закончил.

Он достал из сумки небольшую шкатулку, скорее даже деревянную коробку, откинул крышку и парни тут же заулыбались, разбирая серебряные перстни с малахитом.

— Пришлось использовать серебро, — объяснил Тони. — Золото плохо сохраняет на себе заклинания, завязанные на личность. Ну и поэтому решили взять малахит. У нас же здесь все слизеринцы.

На камне был словно выжжен герб Слизерина, под гербом небольшой вензель ВР, как символ их небольшой компании.

— Нужно капнуть кровью, — напомнил Том. — Только не здесь, а у себя. И слова те же, что и

обычно для привязки каких-то родовых вещичек. Честно говоря, родовым сокровищем это не назовешь. Лет сто будут нормально работать, потом не могу дать гарантии.

— Как работают-то? — Гойл с интересом рассматривал богато украшенный перстень.

— Я могу объявить общий сбор, тогда герб Слизерина начнет светиться. Если горит вензель, значит есть сообщение. Произносишь «читать» и на ободке будет небольшое сообщение. Пять-шесть слов, не больше. Только не злоупотребляйте, а то еще начнете общаться через них, и мы все с ума сойдем.

Парни опять засмеялись.

— Ну и чары на кольце, — продолжил Том. — Предупреждение о вторжении в разум, будет чуть нагреваться. То самое заклинание первого удара. И нейтрализатор яда. Плюс ко всему, я могу знать, где вы находитесь. Не смотри так на меня, Макс, точный адрес сказать не смогу. Скорее смогу найти кольцо, если оно потеряется. Кстати, вместе с тобой. Как только привяжете к себе, снять с пальца сможете только вы сами.

Том не стал говорить, что он может и уничтожить эти кольца. Все каникулы этим занимался, пришлось еще в Тайной комнате доделывать, ритуалы проводить.

— Заклинание первого удара, — пораженно шептал Нотт. — Ты действительно гений. Как только смог?

Том неопределенно пожал плечами. В кармане у него лежало еще одно колечко. Меньше и изящнее. С тем самым заклинанием, которое отражало первый удар противника. Парням лучше не знать, сколько куриц он угробил для этого. Том и сам до сих пор морщился, вспоминая свои «злодеяния» в тайной комнате. Он его разучивал только для этого кольца. Женского. Но не знал, решится ли он подарить ей колечко.

По дороге от места собраний, Том встретил Нату. Девушка почти терялась на фоне огромного букета роз. Рядом с ней зубоскалила Друэлла, а Ната лишь вяло отмахивалась от своей подруги.

— Что это? — Том надеялся, что в его голосе не слышно злости на неведомого дарителя букетов.

— Это старший Пруэтт подарил, — сдала подругу Друэлла. — Огромный, да?

— Видимо, у гриффиндорцев совсем отсутствует чувство меры, — довольно тихо ворчала Ната. — Ему никто не говорил, что такие огромные букеты нужно по почте присылать, а не вручать в руки.

— Давай понесу, — Том забрал огромный и действительно тяжелый букет.

Заодно сделал себе заметку на память. Большие букеты — плохо. Хотя он, пожалуй, и сам это понимал. Для Наты важнее значение, а не размер.

— Спасибо, — чуть покраснела девушка. — Он такой тяжелый. А я не додумалась его заколдовать.

Букет был уложен на стол в гостиной Слизерина и помещение тут же наполнил пьянящий запах роз.

— Возьму розочку? — легонько выцепила розу из букета Гринграсс.

— Да хоть десяток, — легко согласилась Натали.

— Совсем замучили? — семикурсница села на одно из кресел.

— Это просто кошмар, — тяжело вздохнула Ната. — И что именно ко мне-то? В школе полно девушек, которые еще не определились с женихом.

— О, милая Натали, — улыбалась Гринграсс, — Все дело в том, что вы пришлые. Мы тут все друг с другом в родстве, а тут ты. Можно не бояться за детей и внуков, как минимум.

Натали еще раз печально вздохнула, чуть оттолкнула в сторону букет и начала доставать из сумки учебники. Том повторил ее маневры, уходить не хотелось. Вот только доставал он не учебники, а газеты и бухгалтерские книги. Он уже сейчас начал готовиться к работе в министерстве. В его представлении, он должен подняться по служебной лестнице как можно быстрее. У него так много идей, он непременно хочет воплотить их в жизнь. Сегодня он изучал архивную подборку новостей из Европы, читал французские, итальянские и немецкие газеты. Он запрашивал копии из архива, ему присылали переводы.

Он сам предложил Алексею именно так его проверять. Находить схемы, которые могли бы стать контрмерами против Гриндевальда. Для этого и читал иностранную прессу. И сегодня наткнулся на что-то необычное. Говорили, что Гриндевальд, по всей видимости, получает поддержку именно из Великобритании, но не удается выяснить, кто ему помогает.

— Что связывает Гриндевальда и Англию? — вслух спросил Том.

— Где-то слышала, что у него родня здесь, — ответила Ната.

Впрочем, она тут же замолчала. Она это знала из той, другой жизни. Здесь же... нет, память не сохранила таких сведений. Но можно считать, что она это услышала в разговорах.

— Родня? — нахмурился Том. — А где у нас справочник чистокровного?

Друэлла кивнула на полки у камина. Том тут же поспешил за справочником. Это была огромная книга, искать в ней что-либо было крайне непросто.

— Сразу можешь убрать самые старые и богатые семьи, — посоветовала Друэлла. — Породниться с ними считается честью, если бы там затесались родственники Гриндевальда, об этом уже бы сказали.

Том кивнул, перелистывая первые страницы с самыми древними семьями Великобритании. Получилось примерно четверть справочника. Том понял, что его внезапное рвение слишком долгое и сложное.

— А родового древа Гриндевальда нет?

— Ммм... посмотри, там есть и французский справочник, только он не переведен, — предложила Друэлла.

Гриндевальды нашлись довольно быстро. Потом пришлось искать родовое древо его матери. И вот тут нашлась связь. Гриндевальд оказался внучатым племянником Батильды Бэгшот.

— Но чем она может помогать Гриндевальду? — подошедший Макс скривился. — Она же просто историк, и род не богат, не знаменит, и даже не особенно силен.

— Не знаю, — честно признался Том. — Но хочу выяснить.

Натали старательно прятала глаза. Сейчас ей пришло в голову, что помогать сумасшедшему с материка может Дамблдор. Но как такое возможно? Забавный мужчина лет сорока, пусть с бородой и в слишком ярких мантиях. Но при этом талантливый педагог, справедлив на уроках, всегда помогает ученикам, причем как своего факультета, так и других... Натали не могла даже подумать, что он может как-либо помогать Гриндевальду. Он же добрый. По крайней мере, должен быть.

* Как можно по-другому назвать что-то вроде МВД в магическом мире? Я решила, что обеспечением порядка и безопасности в стране должен заниматься этот отдел. Потому что авроры мне, честно говоря, кажутся смесью обычной полиции и спецназа.

===== Глава 8. Розы и жасмин. =====

Том написал Алексею о своей находке. В ответ пришло письмо, что таланты парня вновь оценили по заслугам. Даже обещали рассказать, если что-нибудь станет известно. Том не особенно на это надеялся, но читать было приятно. К тому же начиналась весна, в школе явно чувствовалось любовное настроение, и Том изнывал от собственных проблем. Гордый, привыкший добиваться своего, он страшно боялся отказа. К тому же его отношение к Натали было не таким, когда отказ станет поводом для охоты, или, напротив, досадным недоразумением. Он боялся ее обидеть. И еще больше боялся обнаружить, что кто-то сможет пробиться через обычную холодность Феи Слизерина раньше Тома.

Для того, чтобы показать свое внимание к девушке, парни обычно дарили цветы. К тому же цветы и конфеты были теми подарками, от которых не отказываются. Это как произнесенный комплимент. Вернуть — значит показать ярую неприязнь, практически оскорбление. Букеты часто оформляли по правилам языка цветов. Вряд ли кто-то знал его полностью и наизусть, но лучше было проверять, чтобы не попасть в неловкую ситуацию. Букет для Тома оформляла бабушка, изрядно повеселившись над описанием. Белый жасмин и красные розы. Дружба и истинная любовь. Том открыл коробку в своей комнате, рассматривая небольшой букет.

Субботнее утро, почти пустая гостиная Слизерина. Друэлла, скинув на пол туфли, уже дымила сигаретой, палочкой направляя дым в сторону от Натали. Она готовила сочинение по трансфигурации: очень хотелось поскорее закончить и почитать что-нибудь более интересное. Девушка мягко улыбнулась Тому, когда тот сел рядом.

— Доброе утро, — она чуть подвинулась, давая возможность расположиться на диване.

— Натали, — окликнул ее Том, потому как, суется, она практически отвернулась от него.

— Да?

Том, улыбаясь, протянул ей букет. Девушка опешила на какое-то мгновение, но цветы приняла, с удовольствием уткнулась в них, жасмин она любила чуть меньше, чем сирень, но это не банальные розы и лилии, которыми ее заваливали нечаянные ухажеры.

— Том...

— И еще я бы хотел пригласить тебя на вечер Слизнорта в следующие выходные, — все еще старательно держал улыбку на лице Том.

Натали подняла глаза от пахучего букета, встретила взглядом с Томом. Сколько всего она увидела в его глазах. Ожидание, надежду, испуг, нетерпение. И что-то такое, от чего она стремительно краснела и боролась с желанием спрятаться за этим букетом от внимательных зеленых глаз.

Друэлла, не смотря на свою внешнюю толстокожесть, и даже вопреки некоторому нахальству, была довольно чутким человеком. Она пробормотала что-то про забытую книгу и быстро ретировалась наверх. Впрочем, по дороге строго отчитала третьекурсников, проявляющих слишком много внимания к паре за большим столом у окон.

Натали молчала, Том, справившись с первым шагом, молчать не мог. Он уже понял, что не прогонит, в прогулке не откажет, только удивлена сверх меры.

— Ты мне очень нравишься... даже больше, чем нравишься. И я очень сомневался, захочешь ли ты терпеть такого неуравновешенного мага, да еще и с шатающимися моральными устоями... Но не прошу себе, если тебя уведет кто-нибудь другой.

— Спасибо за жасмин, — Ната все еще избегала смотреть ему в глаза, к тому же отчаянно краснела и смущалась. — Я очень люблю, когда цветы приятно пахнут. Жасмин — один из самых любимых цветков. Конечно, я схожу с тобой на вечеринку.

Тому казалось, что что-то внутри него рвется танцевать и радостно кричать, но он лишь взял худенькую ладошку Натали и легонько ее поцеловал.

— Вы завтракать идете? — голос Генри за спиной заставил их резко вздрогнуть.

Генри и Макс как раз поднялись из спален мальчиков. Как всегда, с шумом и криками. Со стороны казалось, что Том и Ната что-то обсуждают, а это не было чем-то необычным. Том учил язык, иногда спрашивал мнения девушки о каких-то ритуалах. Макс, увидев смущение Наты и явное недовольство Тома, сразу понял, что они ну очень сильно помешали. Но не Генри. Он намеков не понимал.

— О, очередной поклонник? От кого у тебя сегодня букет? — Генри рухнул в кресло, с которого только что встала Друэлла.

— Это я подарил, — ровным голосом ответил Том, ненавидя в данный момент своих друзей.

— Ой, — нервно заерзал Генри. — Я не знал, что ты...

— Мальсибер, лучше молчи, — посоветовал Макс, — иначе станешь любимым партнером Тома на остаток года.

Натали не смогла сдержать смешка. Том был мстителен, этого не отнять. Хотя обычно не позволял себе унижать, оскорблять и наносить непоправимый вред. Обычно он старательно ставил противника в такие ситуации, когда тот вынужденно показывает свои слабые стороны, практически унижая себя сам. Для близких знакомых, которые чем-то заслужили недовольство тайного кардинала Слизераина, Том предпочитал пытки уроками и занятиями. А так как темп обучения Реддла выдержать непросто, даже друзья опасались с ним конфликтовать.

Руку Натали Том еще не выпустил, теперь помог ей встать. Та с некоторым сожалением положила букет на стол. Пока они не вернутся, букет и книги никто не тронет. Друэлла тут же появилась из проема женского коридора, зло цыкнув в сторону Макса и Генри:

— Олухи! — сказано было шепотом, но вид у Генри стал особенно виноватым.

А Макс уже просчитывал варианты. Он видел, что отношение Тома к Натали — это не его привычный интерес, который он иногда демонстрировал некоторым девушкам. Здесь было что-то более глубокое и непривычное. И все эти легкие подколки Антонина, неясные прежде, стали вдруг более чем понятны. Родители одобрили Тома в качестве жениха. Поэтому Алексей его и взял учить. Не только невероятный талант, но еще и забота о семье подтолкнули русского к этому решению.

Макс еще раз посмотрел на пару, идущую чуть впереди. А они подходят друг другу. Не из тех, кто как два сапога пара, а как раз наоборот. Тони, помнится, жаловался, что его сестренка абсолютно не приспособлена к реальной жизни, слишком доверчива, добра и бескорыстна. Познакомившись с Натали, Макс полностью согласился с другом. И Том станет для нее идеальной парой. Он-то как раз корыстен, довольно злобен и недоверчив до абсурда. С таким она точно не пропадет. А он, при условии, что будет ее уважать, станет чуть мягче. Тут Макс чуть ли не хлопнул себя по лбу. Уважать! Да он любит ее! Не зря же он стал сдержаннее, когда начал с ней общаться.

За столом Слизерина всегда было чуть спокойнее. Так и сегодня, рассаживались за столами, тихо переговаривались между собой, обсуждали новости и предстоящие выходные. Друэлла с нетерпением ждала, пока завтрак закончится и она сможет затащить Нату в комнату, Макс обдумывал свою недалёковидность, Генри судорожно размышлял — обиделся ли Том за прерванный разговор. Том уже не обижался. Пусть не сразу, а постепенно, но со временем она непременно его полюбит... если он не натворит глупостей.

Ната же едва сдерживала дрожь и пока не могла понять, что стало причиной такого состояния. Цветы ей дарили теперь часто. Поначалу она немного смущалась, ей было очень неудобно отказываться от прогулок и свиданий, но никто из дарителей этих букетов не трогал ее сердце. Было непривычно знать, что ты можешь кому-то нравиться, но чаще всего она не верила в искренность чувств. Какие могут быть чувства, если они едва сказали друг другу пару слов. К тому же бывали и те, кто целенаправленно добивался ее внимания для улучшения дел семьи.

Но теперь Натали по-настоящему растерялась. Том — это не те едва знакомые парни. И он... на этом моменте Ната старалась перестать об этом думать. Но не думать тоже не получалось. Она все время возвращалась мыслями к нему. И к этому внимательному взгляду зеленых глаз, от которого становилось душно, и как-то странно, будто она разом лишилась всех своих сил, будто он гипнотизирует ее... и при этом было страшно осознавать, что ее слова и поступки значат для него что-то большее, чем для других.

— Для тех, кто еще не заметил, обращай внимание: Дамблдора нет за столом, — Тони сел напротив Тома и Натали.

В волосах у него блестели мелкие капли, а мантия, что он небрежно бросил рядом с собой, была и вовсе полностью мокрой. Дождь на улице едва моросил, но Тони успел промокнуть, прежде чем вернуться с соеватни. Письмо от отца он держал в кармане.

— А в чем дело? — Том сразу понял, что это было сказано неспроста.

— В министерстве выяснили, что он достаточно близко общался с Гриндевальдом, когда они

были молоды. Его вызвали в министерство для разбирательств. Из Франции уже не единожды приходили жалобы на поставку некоторых магических приспособлений из нашей страны.

— То есть... — Том нахмурился, — Ты хочешь сказать, что наш преподаватель трансфигурации помогает Гриндевальду?

— Это лишь предположение. Вызвали еще пять магов, с которыми Геллерт близко общался, пока жил у своей родственницы, — покачал головой Тони. — Но папа считает, что нам впредь стоит быть крайне осторожными и в школе.

— А кто остальные? — Макс рукой отодвинул Генри, который загораживал ему просмотр.

— Не важно, по сути. И Дамблдор, и все остальные, мало подходят на должность тайного шпиона. Передачи происходят минимум раз в месяц. Дамблдор живет в замке, наружу не отлучается, передавать ничего не может. Тут важен сам факт того, что у них шла переписка. Довольно долгая, кстати.

Том рассеянно кивнул, но про себя подумал, что даже не задумываясь может назвать пять способов незаметно выйти из замка. И еще с десятков передавать приказы письмами. Но без явных улик подозреваемых не будут допрашивать по всей строгости. Ни зелья правды, ни сильного легилимента. К тому же Дамблдор и сам хорош в копании в голове. Том до сих пор помнит, как тот залез в его мысли тогда, в приюте. Именно поэтому он так яростно учился защите разума. Он не хотел, чтобы подобное повторилось.

Вечером вся компания вновь сидела за большим столом у окна. Ната листала разрозненные листы. С начала войны стихи и прозу из России им передавали по почте, делали копии того, что ходило по рукам у маглов. Том, хоть и держал в руках книгу, не читал. Он то размышлял о том, может ли их учитель трансфигурации помогать Гриндевальду, то любовался Натали, которая улыбалась страницам книг.

— У вас в семье все так много читают? — скучая, спросила Друэлла у Тони.

— Ммм... да. Думаю, да. И стихи у нас любят. И песни петь. И еще балет, о, стоит ненавидеть войну только за прекращение гастролей русского балета.

— Тони! — Ната отвлеклась от книги и опять напомнила брату, что тот вечно неправильно расставляет приоритеты.

— Можно подумать, ты бы сейчас отказалась сходить на Щелкунчика? Или на Лебединое озеро. О, Жизель. Спящая красавица. Несравненная Шахеразада...

— Тони, прекрати, — засмеялась Натали. — Ты уж балет точно никогда не любил.

— Я, как вы говорите, слишком прямолинеен, чтобы понять тонкое искусство выражение чувств через музыку и танец. Но я не обижаюсь, — веселился Тони.

— Зато ты любишь петь, — улыбался Макс. — Свои странные песни под гитару.

— Стихи он тоже читает, — раскрыла брата Натали. — Нас папа именно через стихи учил риторике и умению играть роль.

Том с интересом посмотрел на Долоховых. Так вот почему у Натали так хорошо получается передавать содержание стихотворения даже для незнающих языка.

— Что? Тони, ты тоже так умеешь? — удивился Генри.

— Умеет, — улыбка у Натали вышла задорной, а окружающие поддержали ее требованием продемонстрировать таланты Тони.

Тот, с прищуром посмотрев на сестру, заметил:

— Я ведь не любитель твоих символистов, витиеватости и прочего.

— О да, я помню, что тебе понравился Маяковский, — махнула ладонью Ната.

— Маяковским я вас мучить не буду. Я помучаю свою сестренку. Есениным.

Ната нахмурилась, соображая что есть такого мучительного в лирике Есенина, которого она тоже любила. Но потом Тони начал читать и Ната вспыхнула, опустила глаза под насмешливым взглядом брата. Он читал иначе. С широкими жестами, довольно громко, даже радостно и несколько яростно.

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,

Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,

Видеть глаз злато-карий омут,

И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,

Если б знала ты сердцем упорным,

Как умеет любить хулиган,

Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил.

Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить.

— Это про любовь? — нахмурилась Друэлла. — Что-то явно жизнеутверждающее. Видимо, про любовь со счастливым концом.

— Конечно про любовь. Про первую, бескомпромиссную и страстную. Тому вот стихотворение явно понравилось, не так ли?

===== Глава 9. Горе от власти. =====

Натали, как ни старалась, не могла сосредоточиться на подготовке к экзаменам. Солнечная погода, прекрасный пейзаж за окном, ветер словно зовет за собой на прогулку. Они бродили с Томом по берегу. Озеро в шотландских горах, густой лес, замок на берегу, зеленая трава под ногами и ветер, он словно поет о счастье и свободе. Она подставляла лицо солнцу и этому ветру, не могла перестать улыбаться. И было приятно идти по берегу этого озера под руку с красивым парнем, осторожно ступать по мягкой траве, стараясь не испачкать туфельки со множеством ремешков, слушать плеск воды и разговаривать о погоде, книгах и музыке.

Тому, на самом деле, музыка и литература были не столь уж интересны. Но ему была интересна Ната. Она улыбалась, вдохновенно рассказывала о Ремарке и Фицджеральде, объясняла что такое «потерянное поколение». Читать книги о сложных любовных перипетиях Том не хотел, но вот рассказ о том, как кто-то не может найти место в мире из-за черствости после ужасов войны, были ему близки. Он рассказывал, что практически все выходцы из сиротских приютов тоже, в некотором роде, потерянные. Тот, кто не стал жестоким извергом, превращается в пассивного обывателя.

— Но ты не такой, — улыбалась Натали.

— Мог бы стать, — качал головой Том.

Ему все еще казалось, будто к нему на ладонь села хрупкая певчая птица. И он может раздавить ее неосторожным движением. И эта птица не замечает, что творится в мире. Вести с материка становились все более тревожными, беженцы теперь прибывали иные. Больше не было веселых аристократов, везущих в сундуках фамильный фарфор. Теперь прибывали оборванцы, беглецы из собственных поместий, о них писали в газетах. На колдогографиях измученные маги, они искали приют и защиту.

Ужасы войны маглов, с которыми Том познакомился еще четыре года назад, докатились и до Англии. Стали поговаривать о начале военных действий. Долохов-старший стал частым гостем в Министерстве. Старшекурсники в школе начали строить планы о вступлении в боевые отряды, о подвигах и помощи. Том был лишен подобных желаний. Он за несколько августовских дней понял, что в войне нет ничего героического. Натали его поддерживала. Описывала войну глазами самих военных. О голоде, страхе, желании жить, о невероятном усилии воли, основанном на желании защитить семью. Красиво о войне пишут те, кто на ней не был. У остальных — страшно, сумбурно и даже смешно.

Как бы там не было, в мире маглов война прошла переломный момент, что словно подстегнуло Гриндевальда. Стала поступать информация о ритуальных убийствах, пропали какие-либо сведения о взятии в плен. Когда студенты покидали Хогвартс, ситуация стала особенно напряженной.

Том отправился к своим родичам. Ему не терпелось начать строить что-то свое, разобраться в бухгалтерии, понять принципы дела семьи. Он часто ужинал у Долоховых, с трудом учил язык и, втайне ото всех, увлекся архитектурой. Хижина Мраксов стояла на огромной территории. В самый раз для красивого светлого дома и парка вокруг. Тому казалось правильным построить дом и самостоятельно заложить защиту, укрепить всеми возможными способами. Посадить вокруг кусты сирени и возвращаться в этот дом к Натали. Только, для начала, нужно дождаться кончины дядюшки.

Но в середине июля Тони прислал ему обеспокоенное письмо и Том рванул к Долоховым, оставив все свои привычные дела. Тони был взволнован, даже взвинчен. Натали не могла сдерживать слез. Том обнял девушку, взглядом требуя Долохова объяснить что случилось.

— Папа заболел. Мы позвали мистера Тики, это наш семейный колдомедик. Он сказал, драконья оспа.

Том непроизвольно сильнее обнял Натали, с ужасом понимая, что для Алексея крайне малы шансы выжить.

— Вот только папа переболел драконьей оспой в детстве. Это не оспа, — жестко добавил Тони.

И сразу стало понятно, почему здесь только мистер Тики, и почему позвали Тома. Если это не болезнь, то проклятье. Тот самый тип, который запрещен в магической Англии. Основанные на ритуалах, они поражают жертву на расстоянии, нужно быть сильным магом, чтобы провернуть подобное. И чаще всего они маскируются под магические болезни, истощение или сумасшествие. Но проклятье можно снять. Поэтому Том легко поцеловал Натали в лоб, посадил девушку на диван к матери и повел Тони прочь из комнаты:

— Ты ведь понимаешь, что проклятье такого уровня накладывали долго и так просто его не снимешь, — напомнил он Долохову.

— Мама найдет нужных людей, — чуть дрогнув, сказал Тони.

Том кивнул. За жизнь чаще всего нужно платить жизнью. За ритуал очищения, который снимает любое проклятье, нужно заплатить человеческой жертвой. И, не смотря на все старания властей, маги до сих пор творили подобное. И найти жертву — не значит кого-то схватить и убить. Можно уговорить. Сколько семей нуждаются в деньгах? Среди них точно найдется кто-нибудь, согласный обменять свою жизнь на благополучие близких.

Они зашли в комнату. Алексей лежал на постели, доктор Тики что-то смешивал в стакане. Том

осторожно сел на край постели, Тони встал за его спиной.

— Ты можешь говорить при мистере Тики, — голос у Алексея был довольно слабый. — Он наш преданный врач.

— И связан клятвой, — добавил колдомедик.

— Жизнь на жизнь, — сразу перешел к делу Том. — Предварительно нужно провести несколько ритуалов поменьше. К лунному циклу подобное не привязано, как только все будет готово, я смогу начать. Но не здесь. И вам нужно куда-нибудь уехать.

— Да, я тоже так думаю, — кивнул Алексей.

— Зачем? — нахмурился Тони.

— Если бы я решил кого-то проклясть, да не заклинанием, а чем-то вроде этого, сложным, маскирующимся под болезнь, то это было бы неспроста, — Том говорил отстраненно, хотя внутри него была целая буря. — К тому же такие проклятья снимаются только обменом. То есть жертвой, по сути. Министерство даже прирезанного барана не одобряет, а ритуалы с человеческой жертвой и вовсе недопустимы. Если об этом станет известно, то твоего отца, уже здорового, отправят в Азкабан. Все тщательно подстроено. И значит, скоро к вам придут гости, чтобы скрыть болезнь было невозможным.

— Зелье готово, — прервал Тома мистер Тики. — Я бы не рассчитывал больше, чем на полтора часа.

— Уже хорошо, — кивнул Алексей. — Тони, дай Тому мантию для министерства. Я тебя назначу поверенным. С защитой разума, я так понимаю, у тебя все хорошо?

— Более чем. Мне нужно будет приходить каждый день?

— Да. Я отправлюсь по семейным делам. При условии, откуда мы, скорость отъезда не будет казаться слишком странной. Тони поедет со мной. А Натали и Татьяна останутся под твою ответственность.

События завертелись со страшной скоростью. Зелье сняло с Алексея внешние симптомы драконьей оспы, он быстро оделся и они аппарировали в Министерство. Пропуск для Тома, знакомство с отделом, где Алексей числился консультантом.

— Я несколько спешу, — Алексей чуть морщился, любой бы сказал, что русского огорчают такие быстрые сборы, — Поэтому пока за меня побудет мистер Реддл. Все равно ему со следующего года у вас работать.

— Надолго, мистер Долохов? — беспомощно улыбался секретарь главы отдела.

— Не знаю точно. Месяц, наверное. Том будет знать, как со мной связаться.

До домика родственников Долоховых Том практически нес довольно мощного Алексея. А сам уже в уме пролистывал список ингредиентов и где их можно достать. С чем-то поможет Малфой, что-то достанет Нотт. Лестрейндж просчитает точные цифры. Этим он может доверять полностью.

Гости к Долоховым заявили на следующий день. Два аврора, чиновники министерства и

Дамблдор, непонятно зачем приведенный с ними. Том как раз зашел к Долоховым на ланч, принес букет для Наты. К тому же нужно было обсудить с Татьяной как правильно замаскировать приготовление к ритуалу. Том уже подключил к проблеме Вальбургиевых рыцарей. Кого-то использовал, не рассказывая причин, кто-то был посвящен в тайну. Натали смотрела на них с некоторым ужасом. Она понимала, что за жизнь отца будет уплачено чьей-то жизнью... и ее моральные принципы, непоколебимые до этого времени, дали трещину.

— У ворот гости, — прервала их разговор Татьяна. — Впускать?

— Конечно, вам ведь нечего скрывать, — качнул головой Том. — Вот только... Знаю, что дарить кольцо положено лишь на помолвку. Но... это артефакт.

Он выложил на стол колечко, с тревогой смотря на женщин.

— Я смогу найти Натали, оно защищает от первого удара. И немного защищает разум. Напора не выдержит, но уже не удастся прочесть мысли, смотря в глаза.

— Нона, пальчик порежь. И признай своим, — Татьяна метнула пораженный взгляд на Тома. — А я пойду встречать гостей.

Гости прошли в коридор, топая и громко разговаривая. Татьяна смотрела на них несколько высокомерно, отчего чиновник растерял часть своей бравады, авроры притихли, а вот Дамблдор стал улыбаться еще радостнее. Том вышел из гостиной как раз к началу разговора.

— Поступили сведения, — говорил чиновник, — что в вашем доме находится больной драконьей оспой. Так же поступили сведения, что вы готовите запрещенный ритуал. Мы получили соответствующие бумаги для обыска дома.

— Я просмотрю, — Том протянул руку за бумагами. — Мистер Долохов с сыном отбыли по делам семьи. Я так понимаю, подозрение в болезни связано именно с его резким отъездом? Обыскивать дом можно лишь в присутствии трех независимых свидетелей, я сейчас напишу мистеру Малфою и мистеру Лестрейнджу, чтобы они оказали нам услугу.

— Том, мы ведь понимаем, что обыск — лишь выполнение министерского приказа, — мягко проговорил профессор Дамблдор.

— При всем уважении, профессор, — чуть скривился Том, пролистывая заверенные бумаги, — но учитель попросил меня присмотреть за его семьей. И я считаю, что все должно быть строго по правилам.

И еще, со свидетелями у бравых авроров не получится прикарманить семейное серебро и рукописные книги. Том был уверен, что они еще и что-нибудь подкинуть могут. Поэтому он, заклинанием скопировав министерские бумаги, пригласил незваных гостей в гостиную. Чай не предлагали.

Абраксас и Элдрич прибыли довольно быстро. Они были старше Тома на два года, к тому же не работали в министерстве, поэтому считались подходящими свидетелями с «обвиняемой» стороны. Третьим свидетелем стал Дамблдор, который тоже не числился в министерстве, и чье пребывание здесь все еще было неясным.

Дом и сад обошли чуть больше, чем за час. Понятное дело, в доме не было никаких запрещенных предметов. Все запрещенное, если оно и оставалось, хранилось в том самом домике, принадлежащем дальним родственникам Долоховых. А то немногое, что оставалось,

Том увез к Реддлам, хорошенько запечатав ящик.

Они вновь вернулись в холл, чиновник присел за небольшой письменный стол, оформляя бумаги. И тогда разума Тома коснулись. Осторожно проверили защиту и чуть усилили нажим.

— Профессор! Влезать в чужой разум как минимум неприлично. Хоть и недоказуемо перед законом.

Дамблдор несколько опешил, встретившись взглядом с Томом. Реддла затопила брезгливость и злость, вторжение в разум всегда невероятно злило Тома, особенно если вторгается Дамблдор.

— Я... — начал было Дамблдор.

— Лишь хотели проверить, где именно находится Алексей Долохов? — поморщился Том. — У граждан этой страны все еще есть право оставлять в секрете семейные проблемы. Даже если при этом их подозревают в чем-то противозаконном.

— Том, он пытался проникнуть в разум? — вспыхнул Малфой. — Это противозаконно! Нужно написать жалобу...

— О, мой дорогой друг, — поморщился Том, — проникновение в разум не оставляет следов, особенно если легилимент достаточно искусен для подобной операции без использования палочки. Поэтому наш профессор и не стесняется пользоваться этой лазейкой в законе.

Дамблдор на несколько секунд потерял свой образ добродушного профессора, даже черты лица, кажется, заострились. Но тут же сделал покаянный вид, пробормотал что-то про необходимость убедиться в невинности Долоховых. Но бумаги были подписаны и проверяющие наконец покинули дом Долоховых.

— Виски? — ровным голосом поинтересовалась Татьяна.

— Было бы не плохо, — кивнул пораженный Малфой. — Быть может, стоит организовать такую же проверку нашему профессору?

— Не стоит, — устало выдохнул Том. — У него точно дома нет ничего противозаконного. Но теперь я уверен, что он связан с Гриндевальдом.

— Почему? — удивился Элдрич Лестрейндж.

— Потому что Алексей подписал требование. Англия написала Гриндевальду официальную ноту протеста. В качестве ответчика, если потребуются вызов на дуэль, письмо подписал мой учитель. На это место претендовал Дамблдор. Он до сих пор второй в списке.

Быть может, для кого-то все доводы Тома покажутся надуманными, высосанными из пальца, но он был уверен. Их профессор как-то связан с Гриндевальдом. Дамблдор всегда не нравился Тому. С того самого момента, как залез в его разум. И Том почувствовал. Взыграла, видимо, кровь: проявились таланты предка. Дамблдор был талантливым педагогом, тонким психологом. Том часто видел, как тот тонко манипулирует своими львятами, добиваясь нужной реакции.

— Абраккас! — Натали позвала Малфоя, с которым не так уж часто общалась.

— Да? — он присел рядом с ней на диван, пока Том и Элдрич склонились над расчетами в другой части комнаты.

- Я знаю, что вы ищете подарок для Тома, — девушка чуть запнулась, подбирая слова. — Знаете про медальон Слизераина?
- А кто не знает? Считалось, что он хранится в семье Мраксов.
- Ты ведь дружен с этим... ну, владельцем лавки в Лютном.
- Бэрк? Да, мой отец часто выкупает у него некоторые книги.
- Спроси у него насчет медальона, — твердо попросила Натали.
- Откуда такие сведения? Вещь редкая, дорогая, о продаже столь ценных реликвий обычно известно в определенных кругах.
- Когда мы с Тони посещали Тома, его дядя... он как-то кричал, чтобы Том вернул медальон. Вроде бы его унесла его мама. По рассказам, она бедствовала. А куда продаст медальон покинутая женщина?
- В Горбин и Бэрк, — выдохнул Абракасас. — Думаешь, он там?
- Быть может, его продали особому покупателю. Думаю, тебе и такие люди известны.
- Если его выкупили тайно, то это Хэпзиба Смит. Как думаешь, сколько будет стоит сварить зелье молодости?
- Зачем? — удивилась Натали.
- Если медальон у этой женщины, то выкупить его можно лишь бартером. А эта старая дева, как говорят, давно хочет вернуть утраченную молодость.
- Семья мамы — зельевары... как ты понимаешь, из тех, кто варит вовсе не бодроперцовое зелье.
- Я все разузнаю. Думаю, к дню рождения мы сможем получить потрясающий подарок для Тома.

Натали как всегда мягко улыбнулась. Абракасас же впервые увидел в этой мягкой девушке что-то слизеринское. Внимание к мелочам, понимание значения связей, умение привязывать людей. Выкупить медальон будет непросто, да и невероятно дорого. Молодильное зелье варится из редких ингредиентов. Придется у Тома выкупать яд василиска и как-то объяснять его необходимость. Но такой подарок стоит любых хлопот.

===== Глава 10. Воскресение. =====

К ритуалу готовились хоть и в спешке, но со всей тщательностью. Том никогда не делал ничего настолько сложного, поэтому не мог избавиться от волнения. Весь словно на иголках. Для него самым сложным было не лезть в этот процесс. Нужно было каждый день появляться в Министерстве, водить Натали в магические рестораны, посещать знакомых и друзей. Одним словом, Долоховы и Том тщательно изображали, что у них все в абсолютном порядке.

Одновременно с этим, Том осторожно выяснял кто стал причиной обыска. По официальной

версии, Дамблдор зашел к своему другу в аврорат и его взяли в качестве свидетеля, в чем нет ничего странного. Дамблдор считался лучшим легилиментом в стране, поэтому часто приходил в Министерство. В услугах подобного специалиста Министерство нуждалось часто. Тому доставляло удовольствие думать, что уже через год он займет место Дамблдора. Просто потому что между приходящим консультантом и постоянным сотрудником выберут последнего.

Для получения данных Том пользовался тем же, на чем поймал Дамблдора. Он читал сознание. Без палочки это не так-то просто, к тому же прочесть можно лишь сиюминутные мысли. Чаще всего Том ловил отголоски о низкой зарплате, желании съесть на обед что-нибудь с курицей, фасон нового платяца. Ничего не значащие мысли. Хотя попадались и действительно интересные сведения. Но не часто. Чтобы быть не замеченным, приходилось довольствоваться кратковременными проникновениями в разум, стараться делать это в толпе, где сложно определить легилимента, и постоянно бороться с головной болью из-за перенапряжения.

Оказывается, еще недавно в Визенгамот хотели принять Дамблдора. Но передумали. И причиной смены настроения министерских чиновников был Том. Разумеется, не совсем он, а его прогулки с Натали. Теперь уже не оставалось сомнений, что Долохов выдает свою дочь замуж за англичанина. То есть привязывает себя к стране. Ранее одному из лучших дуэлянтов Европы не предлагали место в Визенгамоте именно из-за неуверенности в лояльности Долоховых. Но не бросит же он свою любимую дочь в стране? Тома уже предупредили, что Алексею надо бы вернуться в страну к сентябрю, чтобы присутствовать на обсуждении его кандидатуры. Щелчок по носу для Дамблдора, который много работал для достижения этой должности.

И сам Том был напоминанием о непостоянстве славы. Еще учителя в школе подшучивали, что он талантливее Дамблдора. Придя в министерство, он слышал это постоянно. Дамблдор попал в этот круг лишь после работы с Фламельем и пары десятков исследовательских трудов... Том по протекции, едва став совершеннолетним. Реддл понимал, что на месте Дамблдора он бы уже мечтал себя убить. Столько трудов, а тут влезает удачливый мальчишка.

Мысли о слишком легком получении всего имеющегося не давали Тому покоя. Кто-то для такого трудится годами. А Том... влюбился в чистокровную аристократку. Татьяна, уловив настроение своего почти зятя, предложила прогуляться. Они сели на скамейку у пруда. Отсюда было видно, как Натали что-то читает в беседке на сваях. Том и сам не понял, как высказал все свои опасения Татьяне. Все сомнения, тревоги. Русская, улыбаясь, начала свой рассказ.

— Знаешь, я когда-то попала в подобную ситуацию. Алексей — из жутко родовой семьи, признанные гении, огромное состояние. А еще красив. И я. Младшая дочь рода, который ведет достаточно аскетичный и скрытный образ жизни. Зельевары, конечно, неплохо зарабатывают, но девочек у нас в семье всегда было много, каждой нужно хоть какое-то приданое, прибавить к этому многочисленные эксперименты, безумные ученые всегда много тратят. И я: смешная, с веснушками, с книгой в руке и восхищенным взглядом. К тому же, мы в Париже, где все блистают, но не мы. Отщепенцы, потому что наша семья бежала из России из-за несколько неудачного эксперимента. Почти без денег, без связей, небольшой дом на окраине магической деревни. Из приданого у меня — только огромная магловская библиотека. А он влюбился.

— И Вас осуждали? — улыбнулся Том.

— Вообще-то все говорили, что я его опоила. Логично же. Зельевар может сварить амортицию. Вот только я не так уж хороша в зельеварении. Из-за насмешек общества я даже хотела отказаться выходить за него, — женщина улыбнулась, вспоминая. — А потом пила чай с его

матерью. Потрясающая женщина. Неординарная. Увлекалась восточной культурой. Она мне сказала нечто совершенно простое, но все равно удивительное. Удача — тоже навык.

Том нахмурился, не понимая в чем гениальность данной фразы. Татьяна широко улыбнулась, видя недоумение на лице Тома.

— Это лишь значит, что не стоит отказываться от того, что идет к тебе само. Поймать нужный момент — важное умение. Остаться собой, внезапно став гораздо выше — это тоже нужно уметь. А вот отказываться от редкого шанса — это большая глупость. Даже трусость. Знаешь, ходят слухи, что у Дамблдора тоже есть протекция в Министерстве.

— Неужели в Министерстве работают женщины столь свободных нравов? — удивился Том.

— Почему женщины? Знаешь ли ты, о чем были письма Дамблдора и Гриндевальда?

— Эммм... только то, что они говорили не о войне, — нахмурился Том.

— Конечно, ведь это были любовные письма.

Том аж подавился, а Татьяна опять звонко расхохоталась. После жизни во Франции, англичане ей казались такими забавными. Любой намек на горизонтальную плоскость вызывает у них ступор.

— Удалось что-нибудь узнать? — поменяла тему Татьяна.

— Не много. Письмо было анонимным. Выявить личность оказалось невозможным. Прислали его в тот же день, когда Алексей почувствовал себя плохо. Но сначала не посчитали важным, все же он был в Министерстве и выглядел вполне здоровым. К вечеру пришло второе письмо, с сообщением о хранении запрещенных вещей. По закону, Аврорат не может игнорировать два сообщения. Вопрос вызывает лишь состав проверяющих.

— Почему? — удивилась Татьяна. — Авроры и чиновник... и свидетеля с собой взяли.

— Потому что это авроры из разных боевых групп, а чиновник значится в Отделе Предотвращения Темного Колдовства. Я проверил его фамилию. Он специализируется на обнаружении темных ритуалов. С аврорами, конечно, весьма натянуто, но они оба протеже Дамблдора. Я поболтал с главой аврората, Дамблдор их сам натаскивал на трансфигурации. Это для него не редкость, да и гриффиндорцев в аврорате больше, чем представителей любого другого факультета. Но все же...

— Одно — случайность, два — совпадение, три — закономерность...

Татьяна задумалась, бесцельно блуждая взглядом, осматривая пруд, белую беседку на сваях, деревья, вазоны с цветами. Вот уж действительно борьба за власть. Уж если для достижения цели выбирают настолько сложные пути. И ее семью угораздило в это вляпаться.

— А если попытаются воздействовать на тебя? — спросила женщина.

— Если ритуал для болезни проводит один и тот же маг, то он не сможет его повторить еще с полгода минимум. Как, к слову, и я не смогу провести ритуал очищения. Слишком много магии, после такого нужно время для восстановления. Защита разума у меня... не хочу хвастаться, но я более чем доволен.

— Я уже поняла, что ты сильный легилимент. Когда только научился?

— Я ведь наследник Слизерина, — хохотнул Том. — Кроме того, впервые за много поколений получил вливание свежей крови, так сказать. Как-то читал, что в таких случаях часто пробуждаются практически все наследия семьи. Учиться легилименции для меня было достаточно просто.

— Я беспокоюсь, как бы тебя не попытались вывести из строя, — призналась Татьяна.

— Я очень осторожен, — ответил ей Том.

Уже через полторы недели все подготовили к ритуалу. Проводили его с субботы на воскресенье, в пустующем доме. Алексей выглядел неважно, Антонина потряхивало куда заметнее, чем Тома. Натали и Татьяна не видели, в каком состоянии отец. Это Тони был рядом с ним. И сейчас времени оставалось не много.

Сложные символы буквально оплетали комнату, некое подобие пентаграммы на полу заливали кровью животных. В воздухе отчетливо пахло смертью и ужасом. Даже Тома заметно передергивало. Становилось понятно, по какой причине такие ритуалы называли темными. Слишком много крови и ужаса.

Читать заклинания, стоя босиком на каменном полу, чувствуя липкую кровь под ступнями, задавать вопросы и слышать слабые ответы Алексея. И сила, Том буквально кожей ощущал магию, она словно пульсировала в воздухе, пьяня и пугая. А потом в круг вошла жертва. Мужчина лет пятидесяти, уже седой. И Том посильнее сжал в руке нож. Убить человека оказалось сложнее, чем ему казалось. Особенно так, не заклинанием, не чужими руками.

Ему казалось, что этот запах будет преследовать его повсюду. Крови, смерти, благовония, отвратительно пахнувшие зелья. Он стоял под душем не меньше часа и довольно долгое время смотрел на розовые дорожки крови. Не его крови. И от этого было так гадостно на душе. Он мылся самой жесткой мочалкой, но ему все равно казалось, что сегодняшняя ночь впиталась в его кожу.

Когда он вышел из комнаты, Тони сидел в кресле с бокалом в руке.

— Спасибо, — голос Долохова чуть дрожал. — Я никогда не забуду, что ты сделал для нас.

— Я никогда не думал, что это окажется так сложно, — устало признался Том, отхлебнув виски прямо из бутылки. — Когда читаешь описание ритуала, не задумываешься о том, каково это.

Том опять поморщился. Хлюпающая под ногами кровь, дым трав, собственное ощущение силы и та беспомощность, когда он понял, что пришло время убить... Он тряхнул головой, прогоняя эти картинки. Захотелось вернуться в душ, хотя кожа уже буквально горела. Еще один глоток обжигающего напитка. Сейчас бы обливейт... но не с его защитой разума. Все равно вспомнит. Он глотнул еще, чувствуя, как немного опьянел. И почему он считал, что это просто?

— Как Алексей? — постарался отвлечься от своих мыслей он.

— Спит. Больным больше не выглядит. Даже цвет кожи нормальный. Доктор Тики уже готовит для него какие-то зелья...

— Защиты у него теперь никакой нет. С неделю ждать, пока магия в норму придет.

— Знаю, — кивнул Тони. — Может к нам в дом пойдешь?

— Нет, — быстро ответил Том.

Он был сам себе противен. И мысль о том, что он войдет в этот дом... что посмеет прикоснуться к Натали, даже просто целуя руку. Нет, к Долоховым нельзя. Можно напиться до беспамьтства, хотя так он никогда не делал. Интересно, бутылки хватит?

Пробуждение было не простым. Голова раскалывалась, во рту пересохло. Он с трудом разлепил глаза, приподнялся на локтях. Белая простынь заиграла цветными бликами. Кто-то обнял его за плечи, помогая сесть. Том, после исчезновения ярких бликов, увидел Натали. Она придерживала его за плечи и подносила стакан к губам:

— Да не тяни руки, так все разольешь, — строго произнесла она, не давая ему поймать ее руку со стаканом. — Пей, станет легче.

Том глотнул, что-то чуть шипящее, солоноватое. В голове прояснилось.

— Что ты здесь делаешь? — удивился он, отстраненно понимая, что явно не готов к общению с леди.

В мятой рубашке, брюки без ремня, босиком. Еще небритый, с перегаром.

— А ты не помнишь, что вы вчера с Тони заявили к нам в погреб? — ухмыльнулась Натали. — Еще постоянно друг на друга шикали и говорили что-то про «нас не должны заметить»?

Ната взяла чистый стакан и налила в него простой воды. Подала Тому, который тут же залпом его осушил и вновь протянул девушке.

— А потом вы аппарировали обратно, — продолжала Ната. — Как только живы остались? В таком состоянии еще и аппарировать...

— Почему ты здесь? — Том несколько рассеянно пытался пригладить всклокоченные волосы.

— Потому что кто-то же должен был тебе помочь прийти в себя, — просто ответила она. — Приводи себя в порядок. Через час у нас праздничный ужин.

Только сейчас Том понял, что приглушенный свет из окна — это не утро, а вполне себе вечер.

— Сегодня ведь еще воскресенье? — несколько испуганно спросил он.

— Еще да, — улыбнулась Ната.

Том, чуть пошатываясь, наконец встал с кровати, протер глаза. Да уж. Чудовище. И Натали, в светлом платье и цветных туфельках. Было стыдно предстать перед ней в таком виде. А она, уже почти дойдя до двери, внезапно развернулась, подбежала к нему и легонько прикоснулась губами к его губам. И тут же исчезла за дверью. Оставив Тома пораженно стоять посреди комнаты. В мятой рубашке, небритого и с перегаром. Он удивленно коснулся пальцем своих губ. Это ему показалось. Он, верно, еще пьян.

===== Глава 11. Что делать? =====

Несмотря на болезнь отца, волнение матери, всю сумятицу этих дней, Натали чувствовала себя в безопасности. Это было странное чувство, которому она долгое время не могла найти объяснения. А потом поняла, что все дело в Томе. Рядом с ним спокойно. Как он уверенно предлагает ей опереться на локоть, как спокойно готовит все для проведения ритуала, о сути которого Ната ничего не знала. И как приходит к ним после Министерства. Все такой же спокойный, с улыбкой, с такой нежностью во взгляде. И вся нервозность, что владела матерью и дочкой, мигом пропадает.

И она рискнула, попросив помощи у Малфоя. Книги она помнила плохо. Но то, что мама Тома сдала медальон в тот же магазин, где потом Гарри видел Малфоя, она запомнила. Пришлось, правда, несколько додумать факты. Морфин действительно кричал им вслед, что Меропа их обокрала, но ничего не говорил про медальон. Вся надежда на невнимательность Тони, который вообще на этого чудака внимания не обращал с первого знакомства. Объяснять, откуда Ната на самом деле знает про медальон, ей не хотелось.

Хотелось сделать ему подарок. А Том очень ревниво относится к своему родству с Основателем. А еще хотелось чего-то большего, чем подразумевает этикет. Хотелось как в романах: упасть в его объятия, и чтобы он ее поцеловал... Но Том строго следовал правилам и даже свидания их были в четких рамках приличия. Он водил ее ужинать в рестораны, всегда по выходным, когдалюдно, и всегда в основной зал. Уходя, целовал руку. Носил потрясающие букеты и небольшие лукошки с клубникой, купленной у маглов.

Они так волновались с мамой в ту ночь, не могли заснуть. Потом пришло письмо от Тони, что все в порядке. И они решили выпить сладкого чаю, в надежде успокоить нервы. Когда пили шестую или седьмую кружку, услышали грохот в погребе и застали там пьяных Тони и Тома. Даже не успели заявить о своем присутствии, как парни аппарировали прочь. И поэтому уже утром Натали с мамой прибыли в гости к Алексею, веселя его и балуя любимыми деликатесами. А к вечеру Татьяна предложила Натали самостоятельно разбудить Тома. Ната смутилась, пряча взгляд. Спальня — это не то помещение, где девушке можно находиться наедине с мужчиной.

— Во-первых, милая, мы тебе доверяем, — легко догадалась о причинах смущения дочери Татьяна. — Во-вторых, мы доверяем Тому. Ну и вряд ли ты не догадалась, что Том получил разрешение ухаживать за тобой.

Ната, вспыхнув, побыстрее скрылась за дверью в комнату Тома. Он спал на животе, раскинув руки по сторонам, прямо поверх одеяла. Натали открыла окна, впуская в помещение свежий воздух. Занесла кувшин с водой и приготовила зелье от похмелья. Осторожно присела на край кровати. Не удержалась, коснулась черных шелковистых прядей. Волосы, которым позавидует любая девушка. Том заворочался, просыпаясь. Всегда безупречный, сейчас он казался ей каким-то особенно домашним. Ее веселили мысли, ведь Том бы такую реакцию на него, непричесанного и без привычного костюма, назвал бы чем-то вроде «тайны русской души».

Наверное, именно поэтому она его и поцеловала... если это можно назвать поцелуем. Хотела иначе. Хотела обнять, позволить ему поцеловать ее в ответ... но испугалась собственной смелости и сбежала. И потом стояла на улице, прижавшись к прохладной каменной стене, прижимая ладонь к груди, где в бешеном ритме стучало сердце.

Август выдался дождливым, хотя дожди всегда сменялись ярким солнцем. Погода менялась по несколько раз за день, шляпа от солнца и зонтик от дождя были нормальной парой. В один из таких дней, когда проливной дождь сменился ярким закатным солнцем, Том корпел над подсчетом собственных финансов. Он уже закончил считать магические монеты, большая

часть которых лежала в Гринготсе, и перешел к магловским активам. Недавно он прошелся по ювелирам в Лондоне. Война диктовала свои правила, большинство мастеров закрыли свои магазинчики, кто-то делал украшения только из золота заказчика, но Тому все же удалось примерно прицениться. Выходило, что у него уже достаточно средств для покупки кольца.

Правила приличия не позволяли затягивать этап, когда парень с девушкой просто встречаются. Том планировал до осени купить кольцо, наложить на него соответствующие чары. Хотелось, чтобы кольцо было шикарным, все же в магических семьях обручальные кольца передаются по наследству. Мысли о Натали, как всегда, вызывали у него улыбку. Именно в этот момент в его небольшой кабинет и вошла Мэри Реддл.

Маглы, в отличие от магов, испытывали некоторую нехватку ткани, считалось дурным тоном носить пышные юбки. Поэтому Мэри ходила почти бесшумно, ее юбки не шуршали при ходьбе. Она присела на кресло для посетителей, с улыбкой смотря на внука.

— О чем задумался? — улыбалась она.

— О разном, — уклончиво ответил Том.

— Зря спрашивала, — сделала обиженное лицо Мэри. — Я и так догадываюсь. Тщательное подбирание цветов в букет, эта улыбка, к тому же наш старый знакомый сказал мне, как парень, очень похожий на моего сына, присматривает кольца.

— В этом мире вообще что-нибудь можно сделать тайно? — вздохнул Том.

— Тебе просто не повезло зайти к чуть ли не единственному ювелиру, которого я знаю лично. Почему мне не сказал? Это ведь та девушка, Натали?

— Да, — кивнул Том, стараясь не выдать волнения.

Он не говорил бабушке и деду, что выбрал себе невесту и она ведьма. Но, на его удивление, бабушка положила на стол бархатную коробочку, чуть подтолкнув ее к Тому. Том открыл ее. Обручальное кольцо. В центре — довольно крупный изумруд и два желтых топаза по бокам. И по ободку кольца — легкий цветочный узор.

— Начало прошлого века, когда Реддлы стали достаточно богаты. Примерно в то же время был построен этот дом, — рассказывала Мэри. — Обычно это кольцо мать отдает сыну, но мой сын уже явно не собирается вновь жениться. А тебе будет кстати. Семейное ведь лучше, чем сделанное на заказ?

— Спасибо, — пораженно произнес Том, все еще рассматривая кольцо. — А почему изумруд?

— Не знаю, — пожала плечами Мэри. — Вполне возможно, из-за моды на алмазы. Твои предки любили делать все назло. Раз у всех алмазы, то у нас будет изумруд и топазы.

Том хмыкнул. Вполне вписывается в поведение деда. И в поведение Тома тоже. Он закрыл коробочку, положив ее в нагрудный карман.

— Неужели прямо сейчас пойдешь? — всплеснула руками Мэри.

— Нет, — засмеялся Том. — Мне нужно наложить на кольцо несколько заклинаний. А предложение сделаю на выходных.

— Она милая девушка. Аристократка? Я, честно говоря, думала, что основная часть русских остановилась во Франции.

— К счастью, отец Натали не любит французов. Вы ведь не против, чтобы на следующей неделе я пригласил их всех к нам в гости?

— Это было бы очень кстати, — улыбнулась Мэри. — Ты говорил, что у себя, там, уже совершеннолетний. Уже и жениться можешь?

Том захохотал, откинув голову назад.

— Только не говори, что мечтаешь поскорее увидеть правнуков.

— Я, конечно, могу кокетливо заметить, что еще слишком молода, — улыбнулась Мэри, — но не считаю нужным. Внуков-то я не нянчила. Все твоё детство прошло мимо меня.

Тут Мэри виновато замолчала, опустила взгляд вниз, пряча от внука мигом погрустневшие глаза. Ей всегда становилось неудобно вспоминать, что её единственный внук, так похожий на любимого сына, воспитывался в приюте. Они были так злы на сына, на эту Меропу, что даже не спрашивали о детях. Для Реддлов-старших было само собой разумеющимся, что ребенка бы их сын не бросил. А теперь приходится стыдиться, вспоминая далеко не самое радужное детство внука.

— Все в порядке. Прошлого не вернуть, — спокойно ответил Том. — Быть может, мы бы не сидели здесь, мило беседуя, если бы я воспитывался у вас. Вырос бы изнеженным, капризным, презирал бы вас и отца...

— Ты его и так презираешь, — укоризненно напомнила Мэри.

— Я не жалею о Приюте... о том, что все считали меня сумасшедшим, не жалею, что драться научился раньше, чем писать... но вот...

Том замолчал, но Мэри и так все поняла. Любой ребенок нуждается в матери. И тут дело в каком-то совершенно неконтролируемом чувстве. Желая пожаловаться на жизнь и поплакать, дети идут к маме. Тому было не к кому ходить. Быть может, не будь его отец так жесток к Меропе, она бы нашла в себе силы жить дальше, заботиться о сыне. Пусть впроголодь, но у мальчика была бы мать. Мэри еще раз грустно улыбнулась, нагнулась над столом, сжала ладонь внука на пару минут:

— Я надеюсь, что у тебя будет счастливая семья.

Когда бабушка вышла из кабинета, Том достал из кармана коробочку с кольцом, любуясь на тонкую работу неизвестного магла. Да, у него будет счастливая семья. Только нужно подождать два года. И разобраться со множеством мелких проблем.

Абраксас писал, что их дом обыскивают уже третий раз. Разумеется, все запрещенное спрятано в закрытом зале в фундаменте. Поместье Малфоев ведь строилось магами для магов, это Долоховы купили магловский дом. Но сама тенденция: кто-то начинал притеснять чистокровные семьи. Министр Магии, с одной стороны, не вызывал нареканий. Деятельный политик, здраво оценивает опасность со стороны Гриндевальда, не допускает паники, следит за количеством беженцев. И с другой, чистокровные были им не довольны.

Многие реформы должны быть обусловлены военным временем... но не в мире магии, где

войны никогда по-настоящему не прекращались. Те же обыски в домах. Когда зашли разговоры о введении закона об упрощении подачи заявки на обыск, население страны даже обрадовалось. Раньше любой нечестный маг успеет сто раз перепрятать все опасное, за то время, что заявка ходит по отделам. Но никто не ожидал, что теперь для обысков и даже конфискации достаточно двух писем, пусть даже анонимных. И авроры выезжают на место.

А этот закон, что в каждом отделе министерства должно быть как минимум сорок пять процентов маглорожденных и полукровок. С одной стороны, боролись с преемственностью мест в Министерстве. С другой, чистокровные волшебники часто оказывались более компетентны для данной должности, ведь их готовили именно на это место. Ходили слухи, что глав родов хотят лишиться их привилегий. И что планируют в школе запретить потомственные клубы. Вроде Клуба Зельеваров, вступить в который могут лишь представители определенных родов, и, в качестве особого исключения, очень талантливые ученики. На взгляд Тома, такие закрытые клубы только подстегивали учеников со стороны. Нужно из кожи вон лезть, чтобы оказаться лучше тех, чей талант заложен в поколениях. И если ребенок такого самородка при своем обучении в школе покажет такие же высокие результаты, то Клуб с удовольствием впишет в свой состав новую фамилию. И вычеркнет, если вступительное зелье не сможет сварить три поколения семьи.

Белоснежная сова влетела в чуть приоткрытое окно и села на край стола. Том, чуть нахмурившись, снял с лапки совы письмо. Такая яркая красавица принадлежала Вальбурге Блэк. Она любила играть на контрастах. Ходили слухи, что красавица-Блэк твердо решила остаться в семье и сейчас активно соблазняет своего троюродного брата. Том же знал ее как главную интриганку Слизерина, к тому же невероятно внимательную особу, с каким-то особым взглядом на вещи. Они не очень-то хорошо ладили. Вальбурга ревностно относилась к влиянию своей семьи. Ей не давало покоя, что мальчишка-полукровка стал главным на факультете. Поэтому письмо от мисс Блэк было для Тома полной неожиданностью.

Это был пухлый конверт из плотной бумаги, печать с гербом Блэков, острым почерком были написаны лишь инициалы Тома. А внутри оказались фотографии с самыми разными людьми. Том развернул сложенный вдвое лист и принялся читать.

Сразу к делу. Давно хотела тебя отблагодарить за брак Малфоя. Если бы не твоя помощь этому наглецу, Малфои бы точно потребовали моей руки. Мы с Абрашей очень рады, что так и останемся хорошими друзьями. Он же мне рассказал, что вы подозреваете Дамблдора в чем-то, но не знаете в чем. И еще колечко я у него заметила, приметное такое.

Видел ли ты запонки у Дамблдора? Заметные, золотые, с какой-то птицей. Посмотри на фотографии внимательно, я долго их в архиве собирала. Это его школьные друзья, многие знакомые после обучения. А у трех женщин такая же брошь. Вряд ли это артефакты, иначе бы их не носили только на работу, но параллель тебе понятна. Мой дядюшка рассказывал много интересного про нашего профессора. Времена ведь были еще более строгие, чем сейчас, и полукровке, даже талантливому, непросто пришлось. Это еще один намек.

Удачи. И, если посчитал мое письмо особенно полезным, я видела женский вариант кольца у Натали Долоховой. Еще один намек, Реддл.

В.И.Б.

Том, в очередной раз удивившись наблюдательности и наглости Вальбурги, уже внимательнее

просмотрел фотографии. Работники министерства, колдомедики, несколько девушек, которые впоследствии вышли замуж за чистокровных волшебников. Большая часть этих магов — маглорожденные и полукровки. Малая — волшебники из молодых и бедных родов.

Усмехнувшись, Том откинулся на спинку кресла. Те же Вальбургиевы рыцари, только созданные очень давно, с упором на полукровок. Талантливых, цепких, но не из тех, кого аристократы примут с распростертыми объятьями. Том пролистал фото еще раз. Оливия Спенсер-Мун. Мать сегодняшнего Министра Магии. Быть может, воспитанный в традициях своего чистокровного отца, Леонард и не во всем слушал мать, но советовался точно. А уж о том, как тонко некоторые умеют манипулировать, Том мог многое рассказать.

Поэтому достал из нижнего ящика стола еще один женский перстень с минимальным набором чар. Хотел Друэлле подарить. Но закинул перстень в конверт, на листе написал всего несколько фраз.

Думаю, тебя порадует название нашего тайного общества. Вальбургиевы рыцари. Наслаждайся. Если попадешь в плен — посильнее нажми на камень, я узнаю, где ты.

Т.М.Р.

===== Глава 12. Дама с книжкой. =====

В выходные, после ужина, Том предложил Натали прогуляться по парку. Они, разговаривая о скором возвращении в Хогвартс, дошли до любимой беседки Натали. Она стояла на сваях, к ней вел дощатый помост. Тони летом нырял с него в пруд, распугивая уток. Натали подошла к перилам, смотря на другой берег небольшого пруда. Там росли плакучие ивы, цвели кувшинки и стояли деревянные скамейки. Пока Натали наслаждалась видом любимого парка, Том достал из кармана кольцо. Несколько ночей не спал, зачаровывая.

— Натали, — он коснулся ее плеча.

Девушка отвернулась от озера. Легкую взвинченность Тома она заметила сразу после ужина, поэтому подозревала, что в дальнюю беседку ее повели не Хогвартс обсуждать. Она протянула Тому ладонь, надеясь, что он не заметит ее дрожь. И еще несколько нервную улыбку. В ее прошлой жизни у нее не было даже таких невинных поцелуев, как ее попытка быть смелой в то воскресенье. В ожидании чего-то прекрасного и волшебного она была особенно красива. Карие глаза словно сияли, яркий румянец, чуть приоткрытые губы.

Том, как и положено в любом романе, встал на одно колено и, держа ее за руку и смотря в сияющие глаза, произнес:

— Я люблю тебя, Натали. согласишься ли стать моей женой?

— Да, — чуть дрожащим голосом ответила Натали.

А потом не менее взволнованный Том надел на тонкий пальчик своей теперь уже невесты прелестное кольцо. Волновались они по разным поводам. Том все же боялся отказа, боялся, что для Натали он покажется слишком уж реалистом, жестоким, бескомпромиссным и так далее. Натали просто была невинной романтической особой, которая попала в сказку. К тому же ее больше волновало не предложение, а то, что последует за ним.

Том, встав с колена, осторожно обнял невесту, притягивая чуть ближе к себе, еще раз посмотрел в сияющие карие глаза и поцеловал. Сначала осторожно, почти невесомо. Но, когда Ната обняла его за шею, сама потянулась к его губам, Том уже не смог сдержать свое давнее желание.

— Я, наверное, сегодня самый счастливый на земле, — признался он чуть позже, все еще обнимая ее за тонкую талию.

Ната уложила голову ему на плечо, она не могла прогнать с лица улыбку, в груди сладко щемило и она тоже готова была признать себя самой счастливой девушкой на свете.

— Может, мне пора им намекнуть, что так долго целоваться — неприлично? — интересовался Тони у мамы, с которой они сторожили влюбленных из окна.

— Неприлично подглядывать из окна и соблазнять девушек до свадьбы, — не отрывая взгляда от пары, парировала Татьяна. — А они и так вели себя непоправимо прилично. Другие бы уже в каждом закутке целовались. А твой друг как истинный джентльмен держал дистанцию.

Тони, обреченно взглянув на мать, горько вздохнул. В прошлом году ей пришлось возмущенное письмо одного родителя о недостойном поведении сына. Пришлось платить. А Тони смириться с недовольным взглядом хаффлаффки. И стараться держать себя в руках.

— Тебе, кстати, тоже уже можно невесту искать, — все еще смотрела в окно Татьяна. — Какую-нибудь образованную веселую девушку... у Друэллы, случайно, нет некурящей сестры? И иди кому-нибудь сову отправь. Громко, но к ним не обращайся.

Тони, посмеиваясь, пошел в кабинет. Напишет Нотту, что Том теперь тоже определен по жизни. Громко топая и разговаривая с совой, он вышел на заднее крыльцо. Том и Натали, словно очнувшись от громкого голоса Антонина, наконец-то разжали объятия и так же не спеша направились обратно к дому. Татьяна, радостно потирая руки, вернулась в гостиную, к мужу:

— И где шампанское? Нужно ведь это отпраздновать!

Прием в честь помолвки Долоховы устроили перед самым отъездом в Хогвартс. Алексей, полностью здоровый, уже получал заверения в получении еще и новой должности. Тома все поздравляли, девушки смотрели на Натали с некоторой завистью.

Так как его дядя еще был жив, Том не мог получить право называться наследником Мраксов. Но посетил Гринготс, прошел проверку на родство со Слизерином, получил доступ к сейфам. Разумеется, абсолютно пустым. Зато он теперь мог смело щеголять своим родством, без обвинений во лжи. Красивый парень, талантливый, молодой, да еще и со столь знаменитым предком. Тома портила только чистота его крови, но на романтично настроенных барышень это не влияло. Они вздыхали и завидовали Натали. Молодой и очень красивый жених. И его неидеальность придавала ему особый шарм. Но особенно всех волновало то, с какой любовью жених и невеста смотрели друг на друга.

В поезде, наглухо закрыв дверь, друзья копались в фотографиях. Мама Генри работала в отделе министерства, который обеспечивал допуски и проверял кандидатов на ту или иную должность. Она сделала копии фотографий министерских работников. Фотографии показывали мага лишь по пояс, но маги на изображениях любили чесать нос, теревить мантию и махать рукой, поэтому запонки и броши можно заметить. К тому же были фотографии с министерских вечеров, где можно заметить жен и мужей министерских работников. А Макс все это

превосходно комментировал. Кто с кем дружит, кто кого ненавидит, он знал почти все.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась Натали.

— Моя мама работает в Ежедневном пророке, — пожал плечами он. — Сама не пишет, она помощник редактора в статьях, затрагивающих министерство. Они называют эту должность «редактор этики». Следит, чтобы статья никого не оскорбила. Моя мама любит поболтать и похвастаться сыном. И поэтому на этих приемах я с пятнадцати лет.

Том и Тони по-прежнему перебирали фотографии, несколько опешив от масштабов. Сколько людей. Наконец, Том поделился наблюдением:

— Ни одного члена Визенгамота. Никого из Отделов магического правопорядка, юридического урегулирования и наблюдения за неправомерным колдовством.

— Сложнее всего туда попасть, — пожал плечами Макс. — Сам посуди, одни из самых влиятельных отделов, требуют особых навыков. Берут туда далеко не всех. Это те самые три отдела, которые наотрез отказались признавать главенство закона о включении в штат маглорожденных и полукровок.

— Я просто обожаю нашу госсистему, — хмыкнул Генри. — Закон принят, но мы его соблюдать отказываемся.

— У них экзамены, — улыбнулся Том. — Тестовые, потом на практике, а потом еще комиссия по этике будет на собеседовании неоднозначные вопросы задавать. Мне тоже предстоит.

— Я думал, тебя практически устроили, — нахмурился Генри.

— Да, — кивнул Реддл. — Потому что после тренировок Алексея я с легкостью сдам эти экзамены. Даже сейчас. А в комиссии по этике главное подробно рассуждать, потому что правильного ответа там никогда нет. У них с самого начала вопросы, где либо ты нарушаешь закон, либо мешаешь жить магу.

— Сложность в том, — продолжил Тони, — что без подготовки такие экзамены не сдать. И выучить все это, не зная, с чего начать, может только настоящий гений. При наложении защиты, например, нужно учитывать тип строения, количество подзащитных, даже их поведение. Не так-то просто. А обеспечение безопасности общественных мест? Вот ты вообще представляешь, с чего начать строить защиту чего-то вроде Мунго? А при угрозе извне? А если в больнице особый пациент? И при этом решаются более простые вопросы. Например, отдел постоянно занимается рассмотрением дел о превышении самообороны. Осматривают место, выносят вердикт. Рассматривают жалобы о чрезмерной защите дома, когда у кого-то на подлете к забору птички дохнут.

— Все, я понял, попасть сложно, работать еще сложнее, — отмахнулся Генри.

— Кстати, насчет членов Визенгамота, — Макс вытащил из кучи фотографий двух мужчин, — Лорд Пруэтт и Мистер Браун. Не смотря на красавиц-жен, имеют еще и любовниц. Дай-ка мне Пророк.

Макс пролистал газету до раздела светская жизнь, ткнул пальцем в симпатичную ведьму со скрипкой:

— Кендра Вилстоун, скрипачка, дама полусвета, широко известна, как соержанка и любовница Лорда Пруэтт. Сестра вот этого аврора. Можете поискать ее фотографии с более спокойных вечеринок, их квартет там выступает в черных форменных мантиях. Может, у нее и брошка есть.

— А мистер Браун? — Том рассматривал «этого аврора» со знакомыми запонками.

— У него долгий и продолжительный роман с полукровкой, которая снимается для рекламы женского платья в буклете Малкин, — пожал плечами Макс. — Ничего не доказывает, что причастна, это уже просто моя догадка

— Да уж. Главный вопрос — как нам все это использовать, — тяжело вздохнул Тони. — Это ведь догадка, по сути. Никаких доказательств. Да и что мы ищем?

Все присутствующие в купе тяжело вздохнули. Действительно, как можно о чем-то говорить, если вообще все не понятно. Кроме такой мелочи, как общие планы людей из этого... ордена непонятной птицы.

Том стал Лучшим Учеником. Забот у него прибавилось, к тому же он вел активную переписку со своими будущими коллегами, устраивал свой пока еще небольшой бизнес в магическом мире, учился, в сотый раз переделывал ритуал магических татуировок... И каждый вечер наслаждался возможностью быть рядом с невестой. Напряженный график, множество дел, теории заговоров, любимая девушка рядом. Том все больше понимал, что ему нравится такая жизнь. Нравится, что мир словно вертится с огромной скоростью, вынуждая бежать, достигать, выполнять... а потом замирает, когда он легко целует невесту в висок, вдыхая ее духи с ароматом сирени.

А она читала свои книги, рассказывала истории и по-прежнему помогала всем, кто хоть немного в ее помощи нуждался. Младшие часто окружали ее неприступным кольцом, разбегаясь лишь при виде Тома. Если Нату дети любили, то Тома откровенно побаивались. Его это устраивало, а Нату забавляло.

В Пророке каждый день печатали новости о войне. О том, как на материке проигрывают по всем фронтам и небольшие отряды британских и американских магов, которые направились помогать в борьбе с Гриндевальдом, не особенно повлияли на ситуацию.

— Прочитай что-нибудь, — Том отвлекал Натали от книги, — что-нибудь про любовь.

Натали задумалась на минутку, а потом спросила:

— А про любовь во время войны подойдет?

— А есть и такие? — удивился Том.

— Его написал русский поэт... О том, что любовь на войне — одно из самых важных.

— Да? Тогда читай. Надеюсь, моего знания языка будет достаточно.

Натали, грустно улыбнувшись, начала читать. И у Тома, уже действительно неплохо понимавшего по-русски, даже мурашки по коже пошли.

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.-

Не понять не ждавшим им,

Как среди огня

Ожиданием своим

Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать

Только мы с тобой, —

Просто ты умела ждать,

Как никто другой.*

Том притянул девушку к себе, крепко обнял:

— Действительно. Война и любовь.

— Я все же надеюсь, что тебе никогда не придется что-то подобное отправлять мне, — Натали удобнее устроилась в объятьях жениха.

— Отправлять? — нахмурился Тони.

— Да, мужчины с войны посылали это стихотворение своим женам. Как просьбу. И как признание в любви, наверное.

— В этом что-то есть, — ухмыльнулся Долохов. — Важно знать, что тебя ждут. И верят, что с тобой все хорошо. Кто это написал? Неужели кого-то вроде Пастернака занесло на войну?

— Это Константин Симонов. Он военный корреспондент, если я правильно помню, — Натали осторожно рассказала часть правды.

Она многое могла бы рассказать о Симонове. А еще о Васильеве. И о Шолохове. И даже о Булгакове. Но время пока не пришло.

* Стихотворение написано в 1941, издано в газете «Правда» в 1942. Учитывая его невероятную популярность в то время, считаю возможным факт его прочтения даже в Англии.

===== Глава 13. Медальон с изумрудами. =====

Рождество вновь принесло ощущение сказки в старый замок. Натали как всегда с восторгом рассматривала праздничное украшение Большого зала, вдыхала аромат Рождества, собирала подарки и подписывала милые открытки-поздравления.

— Кажется, в этом году администрация решила превзойти себя, — пораженно оглядывался Том на еще большее количества лент, елей и искусственного льда.

Натали, звонко расхохотавшись, вдруг куда-то потянула Тома, а потом резко остановилась, смотря ему прямо в глаза.

— Что такое? — нахмурился Том.

— Посмотри вверх, — скомандовала Долохова.

Том, подняв глаза к потолку, ответил девушке тем же смехом. Они стояли ровно под омелой.

— Как я мог забыть, что в Рождество допускаются некоторые послабления.

Натали же, все еще смеясь, привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до рослого Тома. Где-то сбоку мигнула яркая вспышка, засняв их поцелуй.

— Эй, мелкий, — Том тут же ринулся ловить наглеца, а Натали, все еще смеясь и обнимая Тома, кричала вслед мальчишке:

— Не забудь подарить мне это фото на Рождество!

— Зачем тебе такое фото? — Том решил позже найти третьекурника с камерой.

— Поставлю на прикроватной тумбочке. Буду смотреть перед сном.

Дни перед Рождеством Ната вела активную переписку. Решался вопрос с подарком Тому. Письма летали непозволительно часто, но все удавалось объяснить рождественскими хлопотами.

Летом Абраккас навестил старых знакомых семьи. Поспрашивал, поспорил, в итоге надавил. Карактак Бэрк посыпал голову пеплом и умолял не сдавать. Хэпзиба Смит когда-то выкупила этот медальон, потому что знала некоторые грешки магазина. Абраккас начал ходить к старой деве как минимум раз в неделю.

Сначала престарелая жеманница отрицала, что у нее есть реликвия. Потом отказывалась продавать. И лишь в конце октября Малфой смог начать полноценные переговоры. Покупка медальона выливалась в неприлично огромную сумму, большая часть которой уходила на гонорар будущего мужа озорной старушки. Малфой морщился, плевался, просил милости небес, но был вынужден отправиться на поиски симпатичного молодого мага, причем непременно чистокровного, который согласится как минимум пять лет принимать амортизацию, а после останется мужем этой затейницы. Парней Хэпзиба браковала со вкусом. Зелье молодости уже было почти готово, а муж все еще не был найден.

В итоге помогла Татьяна, выписав парня, довольно похожего внешне на Тома, из Америки. Сумма была отправлена его семье, зелье молодости доставили из Парижа, платье полной невесте шил магл под империусом. Малфой перманентно впадал в истерику «нас поймут и мы умрем», но к началу декабря все было готово и Хэпзиба Смит вышла замуж, сменив пять лет счастливой супружеской жизни на дорогостоящий медальон. Малфой вздохнул спокойно и с удивлением понял, что недавно провернул. Выдал замуж старую деву, привезя ей мужа из Америки, договорился с аптекой о еженедельных поставках любовного зелья, устроил чертову свадьбу и платье от какого-то магловского дизайнера... И все это ради семейной реликвии хорошего друга.

— Теперь он просто обязан стать Министром магии, — злобно выговорил Абраккас медальону, отправляя реликвию в коробочку.

Том же был удивлен просто размахом вечеринки. В прошлом году был почти семейный вечер с

близкими друзьями, но в этот раз Татьяна превзошла себя. Практически все, с кем Том общался в школе, полный состав Вальбургиевых рыцарей с невестами, сестрами и родителями, все будущие коллеги Тома, даже профессора с директором во главе.

— Вы многим людям не даете справить Новый Год, — ужаснулся Том.

Тони, к которому и обращался именинник, лишь расхохотался:

— На Новый Год всем плевать, мой дорогой друг. И кто сказал, что вечеринка закончится до полуночи?

— А где Натали? Она внезапно сбежала от меня.

— Да? Тогда давай-ка пробираться к музыкантам. Мы будем тебя поздравлять.

Тони повел друга через толпу гостей к небольшой сцене, где играл тот самый струнный квартет, с любовницей Лорда Пруэтта. Они лишь подходили к сцене, когда Том заметил Натали, в светлом платье с зелеными бархатными лентами, Малфой помогал ей подняться на сцену.

— Минуточку внимания! — попросила Долохова.

Гости замолчали, подходя к сцене, Тони затолкал наверх Тома и сам поднялся следом.

— Мы очень хотели бы подарить тебе особенный подарок, — улыбалась Натали. — Мальчики, возможно, отыскали бы какую-нибудь жутко старую книгу с особенно сложными заклинаниями... но мы нашли нечто более ценное.

— Идея Натали, — продолжил Абраксас. — Но мне пришлось попотеть, чтобы ее осуществить.

— Да, теперь я точно знаю, что Малфой — скользкие, как истинные змеи, — поддел блондина Тони.

— С днем рождения! — закончила Натали и протянула Тому небольшой бархатный футляр.

Том, чуть нахмурившись, открыл коробку и не смог сдержать восхищенного вздоха. Крупный, с куриное яйцо, медальон. На его крышке мелкими изумрудами выложена буква S. Замочек для открытия крышки отсутствует. Том тихо, чтобы не услышали стоящие у сцены, на парселтанге шепнул «откройся». И крышка отскочила, демонстрируя несколько чешуек василиска внутри и кусочек пергамента.

— Я не представляю, где вы его достали, но огромное спасибо, — Том обнял Натали, а потом и Малфоя с Тони.

— Вообще-то достать его помогли все рыцари, — улыбался Малфой.

Том все еще не верил, что это действительно он. Реддл предполагал, что медальон забрала Меропа. И понимал, что она его продала. Вот только медальон был артефактом, а не просто красивой игрушкой. Меч Годрика был, в некотором роде, эквивалентом волшебной палочки. Чаша Хельги улучшала качество любого исцеляющего зелья. Диадема Ровены помогала упорядочить мысли. А медальон делал разум непрístupным, помогал носителю легче проникать в чужой разум. И еще неизвестно, что за кусочек пергамента лежит внутри.

Но развернуть его он смог лишь первого января. Гости разошлись, отгремели праздничные

салюты, домовики закончили уборку в нижних комнатах. Том уже зашел в комнату, которую Долоховы определили как его. Вытащил медальон из шкатулки, повертел в руках, внимательно рассматривая. Открыл, коснулся маленьких чешуек. Судя по всему, это чешуя новорожденного василиска. Когда-то Том заработал свои первые галлеоны, продав кусок линялой шкуры. Выбрать достаточно крупный и не порванный было непросто, да и стоили такие куски не так дорого, как если убить василиска. А вот кусочки чешуи явно были вырваны. Такие крошечные, но уже с характерным, едва заметным узором.

А на клочке бумаги — рецепт зелья для рождения сильного наследника. Одна порция — одна чешуйка новорожденного василиска. Тогда понятно, почему многочисленные родственные связи, хоть и отражались на Мраксах внешне, но не задевали магические способности. Зельем поили жену лишь однажды. Через семь лет после принятия эффект полностью выветривался. Как по-слизерински. Даже рождение детей строго запланировать. Его мать, вероятнее всего, варила это зелье. А вот у дядюшки такой возможности нет. Как и нет невесты, потому что дед был женат на своей родной сестре. Том поморщился при мыслях о чем-то подобном. Уж если Блэки, которые часто женятся на своих кузинах, вызывали неодобрение в обществе, что говорить о Мраксах.

После дня рождения Том отправился к Реддлам. Планировал пожить у них до конца каникул, да и с дядей нужно было разобраться. У Тома были планы на эту землю, можно было уже начинать проводить ритуалы на месте закладки фундамента, выкопать пруд, поставить добротную изгородь. Все это требует времени и деньги на начальный этап строительства у Тома имелись. Даже на стены и крышу должно хватить. И Том не хотел ждать, пока дядюшка решит отбросить ноги. Значит, придется договариваться.

Для разговора с магом Том даже надел мантию. Мэри, увидев внука в традиционном наряде магов, даже засмеялась. Сказала, что это похоже на платье. Том чуть скривился. Маги сейчас редко носили классические мантии. Чаще надевали лишь верхнюю мантию поверх магловской одежды. Были еще мантии для ритуалов, но в них и не принято разгуливать по улицам. Тому же хотелось договориться с дядей. Была, конечно, идея подать официальное прошение, признать Морфина недееспособным после Азкабана, зарегистрировать свое родство с ним, взять над ним опеку. Минимум полгода потерянного времени и куча сплетен.

Январь выдался холодным, хотя снега не было. На лужах застыли тоненькие корочки льда, но к полудню они успевали растаять. Том нетерпеливо шел по дороге от Реддлов к Мраксам. Он впервые шел по этой дороге один. Сам он обычно аппарировал сразу к Реддлам, это Тони и Натали поддерживали этикет, идя до дома пешком мимо хижины Мраксов. Том открыл калитку, прошелся по тропинке до двери, где вновь болталась умершая змея. Брезгливо уничтожив трупик заклинанием, он толкнул дверь.

Морфин сидел в кресле, огонь в очаге едва тлел и в доме было холодно. Оглянувшись по сторонам, Том понял, что мебель и обстановку в комнате столько раз чинили заклинаниями, что магия на них больше не работает. Вот и сидит его дядя в холодном доме, не в силах даже привести его в порядок.

— Добрый день, — Том сел в кресло напротив, стараясь не показывать своего отвращения к явному запустению вокруг.

— О, родственничек явился, — Морфин же, напротив, сморщился, словно его племянник был ему противнее обстановки вокруг.

— Я пришел поговорить.

— О чем мне говорить с сыном магла? — почти выплюнул Морфин.

— Я полукровка, — согласился Том, — но недавно я получил медальон Слизерина. Судя по всему, моя мама выпила это зелье. Иначе откуда у полукровки все таланты?

— Потаскуха, — выругался в адрес сестры Морфин.

— Женщина, которая подарила вашему роду возможность вернуть былую славу, — Том тоже начинал злиться.

Он не любил, когда оскорбляли его мать. Она умерла и только он имеет право на нее злиться. А уж говорить про нее в таком ключе вообще никто не может. И он был рожден в браке. Даже по закону маглов Том Реддл-старший является вдовцом.

— Мама заключила магический брак, я проверил в министерстве, — все еще злясь, продолжил Том, — поэтому я являюсь единственным наследником Мраксов. И ты, даже если так не считаешь, уже не можешь изменить.

— Что тебе нужно от меня? — поморщился Морфин. — Ты сдружился с этими маглами, вот и живи с ними.

— Мне нужна эта земля. Оставляю эту хибару, если тебе так угодно, но все холмы южнее дороги принадлежали еще Слизерину. Вы не смогли их продать, просто не имеете права. Я хочу эту землю.

— Зачем? — расхохотался Морфин, — Тебе мало земли этих маглов?

— Магический особняк.

Морфин перестал смеяться, рассматривая племянника с уже большим интересом. Том же буравил дядю взглядом. Для того, чтобы начать строить что-то с помощью магии вблизи от маглов нужно особое разрешение. В теории. На практике проще купить землю, отданную под одно из магических поместий еще лет так триста, а то и пятьсот назад. Там маги могли творить все, что их душе угодно. Но эти земли редко подлежат продаже, обычно правом для пользования ими является родство. Том мог бы творить на этой земле все, что его душе угодно. Но Морфин — все еще старший член семьи. И у Тома другая фамилия, Меропа ведь не могла принять мужа в свой род, отец бы такого не позволил.

— Зачем тебе особняк? — наконец нарушил тишину Морфин. — Живи у своих родственников. Дом большой, они богаты.

— Я женюсь через полтора года. На чистокровной ведьме. И собираюсь вернуть славу своего предка, а не прозябать всю жизнь в глуши. Мне нужен дом, в котором можно принимать гостей и который можно передать по наследству.

Морфин, откинувшись на спинку подранного кресла, смотрел на племянника со смесью удивления и отвращения. Будто букашка сказала что-то крайне умное. Тому невероятно сильно хотелось заглянуть в мысли родственника, прочитать его. Но, судя по всему, один из талантов его рода — чувствовать вторжение в разум. Это может все испортить.

— Чистокровная невеста, — опять поморщился Морфин. — Судя по всему, та девчонка, что бывает в гостях у твоей родни. Сколько же у нее поколений чистой крови? Три? Или, может,

целых пять?

— Не меньше двадцати, — холодно ответил Реддл.

Если Морфин сейчас начнет поливать грязью Натали, то вряд ли Том сможет удержаться от желания спалить эту хижину вместе с дядей. Но тот, мерзко улыбаясь, все же проговорил:

— Забирай. Даже бумаги подпишу, если найдешь того, кто заверит их здесь. Но не рассчитывай, что я тебя признаю. Ты — не Мракс. А то, что можешь претендовать на землю, лишь недоразумение. Отцу не стоило отдавать медальон сестре.

===== Глава 14. Майское утро. =====

Время пролетало незаметно. Том виртуозно жонглировал множеством дел, Натали читала английскую классику. По вечерам они сидели за одним столом. Ната, с мечтательной улыбкой читающая приключенческие романы, и Том, почти скрытый за обилием учебников, справочников и ворохом писем. Мысли о необходимости рассекретить их преподавателя на время отступила: Том готовился сдавать экзамены, проходить тестирование в министерстве и проводить множество ритуалов на земле предков. Хотя Том не мог отделаться от ощущения, что это выльется ему боком, ведь проклятье на Алексея кто-то наложил.

В конце апреля вывесили информацию о выходе в Хогсמיד. Прогуляться в деревню хотелось многим, весна в этом году была особенно солнечной, а подготовка к экзаменам — особенно напряженной. Но у Натали было не спокойно на душе. Это было смутное чувство, основанное на некоторых знаниях. Приближался май, скоро закончится Великая Отечественная, Германия подпишет акт о капитуляции. А Гриндевальд будет сражен Дамблдором. Натали не помнила, где и когда это должно произойти, но их профессор трансфигурации все еще был в школе, никуда не отлучался и выглядел вполне довольным жизнью. На человека, который готов сорваться на дуэль куда-то на материк, он не был похож. Натали казалось, что кто-то подпалил фитиль и скоро все это рванет, война закончится, оставив в воспоминаниях англичан кровавую бойню именно здесь, на острове.

— Я не хочу идти, — призналась она Тому. — Давайте останемся здесь. Устроим пикник, погуляем на опушке Запретного леса. Зачем нам Хогсмит?

— А знаешь, я тоже с удовольствием останусь здесь, — согласился Тони. — Какой смысл в прогулке по деревушке, в которой мы уже сотню раз были. Конфеты не нужны, перья у нас есть...

Поэтому в субботу утром, когда большинство школьников уходили в магическую деревню, старшие курсы Слизерина устраивали небольшую вечеринку на берегу Черного озера. Они подошли почти к самой опушке леса, наколдовали столики и стулья, расставили на столах нехитрую закуску, кто-то успел принести из Хогсмита сливочное пиво, включили музыку. Парни, закатав штанины, пускали камушки по водной глади, девушки, развлекаясь, плели венки.

— Гораздо лучше Хогсмита, — благосклонно улыбалась Друэлла. — Почему мы раньше так не делали?

— Ленились, наверное, — пожала плечами Ната.

Том сидел на наколдованном шезлонге, подбадривая спорщиков, что решили порыбачить в озере, как внезапно он почувствовал что-то... Интуиция, видимо. Он поднялся, вынул палочку, с тревогой посмотрел в сторону Запретного Леса. Что-то было не так. Пугливые птицы, что уже привыкли к слизеринцам, вновь замолчали, стало как-то особенно тихо. Он, все так же напряженно, направился ближе к Запретному Лесу. Пиджак от светлого костюма он снял еще в начале пикника, было довольно жарко, а голову его венчал пышный венок, что сплела Натали.

— Что там? — Тони, спешно надевая обувь, подошел к другу.

— Я не знаю. Но ведь лес — тоже защита замка, так? И он...

— Разумен? Да, как и любой лес, — Тони так же достал палочку.

Словно в подтверждение их опасений, из леса спешно вышли несколько магов. У Тома кольнуло в груди от страшного опасения. Эти черные одежды, особый крой формы... это Армия Гриндевальда.

— Натали, уведи девушек, — довольно громко обратился он к невесте. — И предупреди учителей.

Ната, так же резко поднимаясь со стула, смотрела на приближение фигур со смесью страха и недоверия. Но вколоченные Алексеем правила взяли свое. Она поторопила девушек, большинство из них воспитывались в уверенности, что леди — украшение гостиной, а не боевой маг, и оказать сопротивление взрослым магам могла разве что Друэлла.

— Быстро, я иду последняя, — она выставила один из немногих щитов, который держался на маге какое-то время, и поспешила к замку, постоянно оглядываясь.

Страх, недоверие, испуг за Тома, брата, этих уже почти родных слизеринцев... Но они не могут уйти все сразу, слишком близко маги, а на бегу всегда проще сражаться тем, кто догоняет. Том и Тони понимают это, поэтому парни, гораздо лучше подготовленные к чему-то подобному, остаются.

— Это Гриндевальд, — к друзьям подошел Макс, — Что будем делать?

— Как мне его спровоцировать на дуэль? — вопросом ответил Тони.

— Долохов, ты спятил? — зло буркнул Макс, маги в черном стремительно приближались, уже доставая палочки. — Это же Гриндевальд, величайший темный маг столетия.

— Ритуалист, — подметил Том.

— Вот именно, — уже почти шептал Тони. — А я из семьи потомственных боевых магов. Даже возраст и опыт отходят в сторону. У нас просто разные весовые категории.

— Ты уверен? — Макс смотрел на друга с долей ужаса. — Ты хочешь вызвать его на дуэль?

— А что ты предлагаешь? Устроить бойню, подождать авроров, позорно бежать? — почти зло ответил Тони. — Быстро, Макс. Как устроить официальную дуэль? Потому что сражаться с магом-ритуалистом на открытой местности без ограничений — то еще удовольствие.

— Брось в него что-нибудь из одежды. И обычная фраза. Отказ будет считаться поруганной

честью, но ему на это может быть плевать.

— Да ладно, мне же семнадцать. Я не страшный. Давайте, начинаем.

И Тони первым сорвался с места, выстреливая таким количеством заклинаний, что парни позади него вздрогнули не от начавшегося боя, а от возможностей своего друга. Том постарался пропустить часть друзей вперед. Как и Гриндевальд, он больше тяготел к медленной магии. Ему будет легче помогать им всем издалека, он знает огромное количество крайне неприятных проклятий.

Но из замка, навстречу девочкам, неслись профессора. Первым бежал Дамблдор. Натали тут же развернулась, решив, что ее место там, с остальными, а не за стенами замка. Но вся процессия из замка несколько опоздала. Когда они подросли, Гриндевальд и Долохов обстреливались заклинаниями, а над ними мерцал слабый дуэльный купол.

Тони легко добежал до Величайшего Темного Мага Столетия, по большей части уворачиваясь от проклятий. Аврорские связки, когда все жесты палочки плавно перетекают в следующий жест, не были редкостью. Экономия времени в бою была известна многим, в том числе Макс и Генри так же пользовались связками. Но вот одновременно держать на себе защиту, это уже признак мастерства. Тони не подставлялся, не хотел показывать свои возможности. Ритуалисты опасные бойцы. Особенно на открытой местности, а не в здании. Но основным партнером Тони был как раз Том, у которого так же все было отлично с фантазией и уровнем силы, но он проигрывал. И Тони надеялся, что Гриндевальд посчитает его не слишком опасным, согласится на дуэль и купол. Только так можно не ожидать удара в спину.

Вряд ли Гриндевальд ожидал, что во время боя ему в лицо прилетят носки. После рыбалки в озере Тони надел обувь на босу ногу, не было времени на соблюдение этикета в одежде. И теперь швырнул в своего противника тот предмет одежды, что лежал в кармане:

— Дуэль до поражения или капитуляции, — с усмешкой прокричал Долохов.

С брезгливым выражением на аристократическом лице, Геллерт выкрикнул:

— Здесь и сейчас!

Стоять на месте нельзя. Главная уязвимость мага-ритуалиста, это сложные плетения. Он будет большую часть времени стоять. А вот Тони нельзя останавливаться, иначе внимательный маг тут же поймает его в ловушку. Долохов, ухмыльнувшись, скрылся за деревом, наложив заклинание на себя. Фамильные заклинания помогут ему победить. Адреналин разгонял кровь, а Тони улыбался. Отец потом замучает чтением морали, но сейчас Тони получил возможность сражаться с кем-то на равных.

Маги прибывали, всех сторонников Гриндевальда уже нейтрализовали, а под огромным куполом сверкали заклинания, оживали валуны, вспучивалась земля и в воздухе парил черный пепел.

— Он же совсем мальчишка, — пораженно произнес директор Диппет. — Откуда такие знания?

Несколько взвинченный Том довольно резко ответил директору:

— Вы только что познакомились с русской боевой школой.

На пару мгновений Тони исчез из вида и Натали поняла: сейчас. Особое заклинание, сокращение дистанции. Тони появился в паре метров от Гриндевальда, палочка мага взлетела в воздух и Тони, помня об умении ритуалистов колдовать лишь с помощью крови, мигом оказался еще ближе и левой рукой, с размахом, просто врезал Гриндевальду, отчего тот упал на землю, явно ударившись головой. Дуэль была окончена, защитный купол упал, в полной тишине раздались сначала несмелые, а затем все более громкие хлопки. Натали неслась по поляне к брату, который вытирал кровь с рассеченной брови, чем-то его все же задело. А немного отставший Том связывал заклинанием руки Гриндевальда, лишая того возможности колдовать хоть с палочкой, хоть любым другим доступным способом.

К месту происшествия уже прибыли авроры, щелкнула вспышка фотокамеры. Том обернулся, выискивая в толпе Долохова-старшего, он не мог не прийти, но увидел Дамблдора. Тот ненавидящим взглядом смотрел на Тони, принимающего поздравления. Их разделяло большое расстояние, но Том рискнул, направил силу, сосредоточился. И попал в круговерть из ненависти и ярости. Расстроенные планы. Сотни жизней и все зря, победу забрал какой-то мальчишка. Тут Тома выкинуло из чужого сознания и пронизывающий взгляд голубых глаз устремился на него.

— Задержите его! — выкрикнул Том, сам бросая заклинание и отчаянно молясь успеть.

Его заклинание оживило корни под ногами Дамблдора, тот замешкался на секунду, это было достаточно для Долохова-старшего. В общей феерии радости, министерские поверили заверениям Долохова, что Дамблдор точно причастен.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь?

— Знаю. Позвольте Натали прогуляться со мной в министерство?

Долохов кивнул, утаскивая сына в сторону Министра Магии. Ликующая толпа, полная неразбериха. Вспышки фотокамер, настырные журналисты, кружащиеся в небесах почтовые совы. Министерские забирали Гриндевальда, Дамблдора уже вели чуть впереди, где-то позади пеленали тех, кто пришел вместе с Темным магом. Том, повинувшись жесту заместителя Министра, последовал за ним.

— Что не так с Дамблдором? — нахмурился Бернارد Виго. — Почему его уводят вместе с ними?

— Потому что он подозреваемый, — осторожно ответил Том, держа за руку Натали.

— Придется вызывать легилимента с материка, — вроде бы расстроено, но с явным намеком продолжил мужчина.

— Вам достаточно только попросить. Я буду присутствовать на допросах, — Том даже не сомневался, что его позовут.

Англия не упустит возможность провести допрос, а звать легилимента со стороны — признать собственное бессилие. Осталось самое сложное. Добиться, чтобы допрос проходил по сценарию, который необходим Тому. Когда он читал заметки своего далекого предка, то он серьезно увлекся защитой разума, заклинаниями для извлечения воспоминаний, их затиранию и воспроизведению. И тогда поразился крайне сложному процессу Честного Допроса. Он основан на возможности легилимента проникнуть в разум подозреваемого полностью, фактически стать им. И тогда вопросы будут задавать уже не подозреваемому, а легилименту, который может рассказать все.

— Но легилимента с материка вызвать придется, — решил Том. — У меня есть заклинание Честного Допроса.

Бернард удивленно посмотрел на парня, даже с явным недоверием. Каждый легилимент самостоятельно модифицирует это заклинание, это сложно. Да и не каждый согласится на полчаса, а то и больше, перестать быть собой. Но это дает возможность узнать все, без недосказанности и догадок.

— Ты уверен? Тебе ведь только восемнадцать лет.

— А как вы иначе допросите Гриндевальда, который в защите разума весьма неплох, и уж тем более Дамблдора, который помогал вам столько времени?

— Я понял, — кивнул маг. — Я так понимаю, мисс Долохова будет рядом с вами?

— Да, я полностью доверяю своей невесте.

— Думаю, через час все будет готово.

Мистер Виго тут же поспешил к министру, а Натали легко сжала руку Тома:

— Ты уверен? — девушка хмурилась, плохо зная, что это за заклинание. — Судя по всему, это что-то малоприятное...

— Боюсь, что иначе мы не сможем все узнать.

===== Глава 15. Как он не сошел с ума. =====

Альбус Дамблдор всегда мечтал о славе и величии. И знал, что достоин этого. Талантлив, магически одарен, умен. Но полукровка в магической Британии не расценивался как маг, достойный величия. Уж тем более не с первых дней учебы в школе. Но Альбус был умен и терпелив. Если мир не готов его принять, то он изменит этот мир. Оказалось, что вокруг полно талантливых и умных полукровок, маглорожденных и просто магов, обделенных властью и деньгами только из-за происхождения.

Альбус помогал им. Объяснял простейшие вещи, подсказывал, кем быть, что делать и как заработать. Они собирались вокруг него, верили, считали великим уже сейчас. А потом смерть матери, необходимость сидеть дома. Знакомство с Геллертом многое изменило в Дамблдоре.

Они писали письма, говорили о прекрасном будущем, где будет иметь значение не происхождение и деньги, а только умения и таланты. Гуляли по вечерам, обменивались идеями. Геллерт бредил желанием уничтожить маглов, которых становится все больше, они скоро заставят магов запереться, скрыться за множеством заклинаний, не показываться наружу. Маги — вершина эволюции, а эти аристократы закрылись в своих дорогих поместьях, не желая доказывать это.

Дамблдор не считал маглов злом, но молодость, необходимость сидеть в доме, порождали в нем желание заниматься хоть чем-нибудь. И мечты Геллерта выгнать аристократов на войну казались Дамблдору вполне здравыми. Пусть повоюют. Тогда им точно пригодятся умения талантливых маглорожденных, лишенных возможности получать знания из огромных библиотек чистокровных снобов. «Ради всеобщего блага» было для Альбуса возможностью

получить доступ в закрытые библиотеки.

Дары Смерти стали для них не столько целью, сколько Идеей. Обладать властью даже над смертью — вот чего они желали. Но первые недели знакомства прошли, влюбленность проходила, новизна общения больше не удерживала их вместе. Альбус начал понимать, что Геллерт — фанатик, он слишком жесток и неуравновешен. С таким нельзя добиться того, о чем Альбус мечтает. Несогласие и раздражение копились, пока все это не вылилось в ту ссору и смерть Арианы. И именно тогда Альбус понял, что больше никогда не позволит себе напрямую связаться во что-то подобное. Никогда. Он не желает быть виновным. Он хочет быть лучшим.

На какое-то время он тоже уехал из страны. Работал с ведущими учеными, жил впроголодь, добывая вожаделенные знания, мало спал, вел активную переписку со своими друзьями. И тогда появился Орден Феникса. Фоукс еще не нашел своего хозяина, Альбус акцентировался именно на умение этой птицы восстать из пепла, начать все с начала. Он начал все с нуля, и помогает другим делать то же самое. Сначала в Ордене были только мужчины, но потом появились и девушки. Выброшенные на окраину жизни, без денег и связей, им была прямая дорога в места, куда они попасть совсем не хотели. Удавалось по крупницам собрать деньги на обучение, приличный гардероб... одни выходили замуж, другие устраивались через любовника. Лишенные сантиментов, далекие от образа Золушки, девушки потом платили Ордену своей помощью. Деньгами, переписанными заклинаниями, сплетнями из мира, который пока не доступен мужчинам.

А потом Альбус вернулся в Великобританию, устроился в Хогвартс. И понял, что может влиять и на тех, кого прежде презирал. И вот уже наследник рода женится по любви, не смотря на скандал. Вот уже ему приносят «почитать» древние фолианты, хотя это строго запрещено. Вот уже у него спрашивают совет молодые аристократы, потому что верят своему учителю больше, чем родителям. Альбус понял, что для его абсолютного возвышения не хватает финального штриха. Скажем, совершить какой-то подвиг. Например, победить темного волшебника. Тут и вспомнился друг юности Геллерт.

Гриндевальд был главой небольшой группы молодых боевиков, маглоненавистников. Альбус возобновил свою переписку с другом, используя шифр, который они создали много лет назад. И хотя большую часть письма занимали сожаления об ушедшем, писали и о делах. Альбус помогал советами, Геллерт набирал популярность. Было немного стыдно, что Альбус добивается своей цели смертью столько невинных... но он не знает их. А его «птенцы» нуждаются в лучшей жизни.

Альбус был почти у цели. Ходили слухи, что ему предложат место в Визенгамоте. Но потом оказалось, что Алексей Долохов больше нужен стране. И все потому что русский выдает дочку замуж за англичанина. Долоховы и Реддл стали еще более нелюбимы Альбусом. Долоховы за свои знания, родовые тайны, за высокое происхождение и ненормальное для эмигрантов богатство. А Том Реддл... сначала Альбус подумал, что нашел еще одного «птенца». Тогда, в приюте, безродный мальчик, аристократические черты лица, правильная речь. Он бы мог помочь Альбусу... но не оправдал его надежд. Напротив, он словно намеренно забирал славу Альбуса. А еще оказалось, что у талантливого безродного мальчишки родня все же есть. И тайник Салазара Слизерина находится где-то в Хогвартсе, и там есть книги, по которым парень явно занимается. Слишком невероятны его познания в ритуалистике и защите разума.

Понимая, что больше тянуть нельзя, Альбус попросил Геллерта посетить Великобританию. Говорил, что есть у него на примете один плохо защищенный склад алхимических ингредиентов, но забрать все самостоятельно у него нет шансов. И портал отправил письмом.

На окраину Запретного леса, где они уже не единожды встречались. Суббота, ученики должны были уйти в Хогсмит, остальные готовились к экзаменам в замке либо напротив главных ворот. Альбус планировал появиться перед Геллертом вместе с Диппетом, когда тот рванет смотреть кто пересек защитную границу со стороны запретного леса.

Но слизеринцы вечно оказываются не в том месте. Пикник старших курсов, холеные аристократы соизволили ловить рыбу и плести венки. Пока Диппет спешил вниз, этот мальчишка, этот русский, вызвал на дуэль Геллерта. Увел у Альбуса статус героя прямо перед носом! До последнего Дамблдора не покидала надежда, что опыта у боевика мало, он ошибется, и тогда Дамблдор-то сможет победить своего старого друга. Кто, если не он? Ведь это он помогал Геллерту в создании цепочек заклинаний. Он лучше всех знает, где слабое место у Величайшего Темного Мага Столетия.

Но мальчишка победил. Антонин Долохов белозубо улыбался, принимая поздравления у поверженного противника, он появится на страницах газет всего мира, это его назовут Спасителем, его признают сильнейшим. Ему достанется возможность попасть в Международную Конфедерацию Магов. Ему это даже не нужно, он не закончил Хогвартс, и, скорее всего, мечтает путешествовать и выиграть чемпионат по дуэлям. На секунду Альбус даже потерял контроль над собой... и почувствовал, что кто-то проник в его разум. Он успел встретиться взглядом с Томом Реддлом, и даже не успел решить, что делать, как свет померк.

Том, жадно хватая воздух, отходил после пребывания в сознании Альбуса Дамблдора. Он с трудом сфокусировал зрение. Ната сидела прямо перед ним, на коленях, обеспокоено держа его за руки.

— Встань, ты же на полу сидишь, — Том потянул девушку вверх, сам вставая со стула.

Его немного пошатывало, собственное тело казалось непривычным. Натали обняла его, Том рассеяно прижал ее к себе, легко касаясь губами волос. Поднял взгляд, встретившись с насмешливым взглядом французского легилименты.

— Если вы хотите себе позволить какую-то непристойность, то молчите, — предупредил Том. — Это моя невеста.

Девушка, услышав слова жениха, несколько неуклюже отступила в сторону. Она так испугалась, когда действие заклинания закончилось, что напрочь забыла о недопустимом расстоянии между девушкой и парнем. Чуть покраснев, она отступила за спину Тома.

— Я не рискну говорить что-то подобное, — француз кивнул, извиняясь. — Мне больше интересно, все ли вы помните из того, что говорили?

— Да, — кивнул Том. — Все.

И еще он помнил то, что не говорил вслух. Том вдруг понял, что у их профессора, теперь уже, надо думать, бывшего профессора, весьма извращенное представление о лучшем мире. Даже своими «птенцами» он играл так, будто они не люди, а бумажные куклы. И Тому становилось особенно жутко от мысли, что когда-то и он рассуждал примерно так же.

— Сколько в вашей стране дают за пособничество? — француз смотрел на Дамблдора с брезгливостью, словно на таракана.

— До десяти лет в Азкабана. Но у него выслуги... лет пять, — Бернارد Виго, который и вел допрос, явно размышлял как бы увеличить этот срок.

Слишком уж малоприятными были слова Дамблдора. По закону он не сделал ничего такого, за что его могли бы отправить в Азкабан пожизненно. Но было что-то вроде интуиции, что не желало выпускать интригана. Он ведь действительно может воскреснуть, как птица феникс.

— Старое поселение, — начал говорить Том, — на юге Шотландии.

— Проклятые Скалы? — догадался Бернад.

— Да. Там у него есть что-то вроде тайной базы.

Дамблдор дернулся в путах, понимая, что там найдут авроры. Огромный зал, где Геллерт проводил ритуалы. Том был уверен, что в записях и расчетах нет имен. Но следы они не убирали. А Том теперь не понаслышке знает, что такое Высшие Ритуалы. Там будут и трупы, и запрещенные ингредиенты, книги, следы ритуалов. Бернад, едва бросив взгляд на Дамбдора, принялся что-то писать на листе. Бумажная птица улетела из рук мага, едва тот закончил.

— В аврорат, — объяснил Бернад. — Пусть парни проверят.

— Учитывайте, что у него много союзников, — напомнил Том.

— Я понимаю, — кивнул заместитель Министра, — поэтому отправят Старшую группу.

Том с недоумением посмотрел на Бернада, а тот засмеялся, увидел это.

— Ты все же еще молод для работы в министерстве, — смеялся тот, — Старшая группа авроров — это чистокровные, по той или иной причине пошедшие в аврорат. Когда нужно обыскать дом кого-то вроде Блэков или Лестрейнджей, с их фунтом презрения к любому, чья кровь недостаточно чиста... проще иметь под рукой группу, которая не создает подобных проблем.

— Может и молод, но приду к вам уже через несколько месяцев, — грустно улыбнулся Том.

— Иди домой. Завтра допросим Гриндевальда, я не думаю, что ты выдержишь два заклинания такого уровня в один день, — уверенно произнес Бернад. — Директор Диппет в курсе, что ты помогаешь в министерстве, так что можешь действительно ехать домой. Думаю, сегодняшний герой Антонин Долохов тоже дома.

Том не мог сказать, что он устал. Скорее он чувствует себя опустошенным, даже потерянным, запутавшимся, застрявшим где-то между собой и воспоминаниями Альбуса Дамблдора. Поэтому он кивнул, соглашаясь с доводами Бернада, и встал с жесткого стула.

— Я приду утром, если вы не против. А некоторые доказательства, хотя весьма условные, я пришлю с собой.

— На мое имя, пожалуйста, — кивнул Бернад. — Министр все еще пытается осознать, что его матушка не столько заботилась о маглорожденных, сколько возвращала долг человеку, который ее познакомил с мужем.

Том лишь хмыкнул. Да, они помогали Дамблдору из признательности. Том понимал, что значит толика тепла для людей, у которых нет ничего. Сейчас он готов пойти на все ради Долоховых, ведь они буквально отогрели его в своем тепле... И Том понимал, что совершит любые преступления, если этого потребует спасение Натали. Потому что именно ее слова, ее взгляд на мир, ее доброта, именно все это не позволило Тому стать кем-то вроде Дамблдора или

Гриндевальда.

— Давай прогуляемся, — попросила Натали, когда они шли по Министерству.

— Тогда нам нужно взять для тебя дуэнью.

— Не надо, — возразила Натали, — уж если кому-то удастся проводить ночь не в своей постели и сохранять при этом репутацию, то одну прогулку с нарушением правил, мы точно сможем скрыть.

Том даже остановился, удивленный ее словами. Но что-то внутри него тянуло его к ней. Он не хотел общества, не хотел нотаций Алексея, беспокойства Татьяны, тем более он не хотел ехать домой к Реддлам. Но быть с нею — лучшее лекарство. Они вышли из министерства, Том аппарировал.

— Где мы? — Натали пораженно замерла, осматривая пустой галечный пляж.

— Здесь тихо вплоть до июля, — грустно улыбнулся Том, — приютских детей вывозят сюда подышать морским воздухом.

Натали поняла что это, возможно, то самое место, где книжный Волдеморт спрятал свой крестраж. Наверное, где-то в этих скалах. Там, дальше, где берег резко поднимался вверх, в воду уходили почти отвесные скалы. Какая-то суровая природная красота. Видимо, это место действительно много значит для него.

Она первая шагнула к нему, обняла, потянулась губами к губам. И Том вновь поразился, насколько сильно может меняться обычно тихая и скромная девушка. Ветер трепал их одежду, где-то над головой кричали чайки, но для них все это было не важно. Они есть друг у друга и это главное.

Позже Том наколдовал плед, они спрятались от случайных взглядов за скалами, тихо разговаривая как о важном, так и о чем-то несущественном. Том первое время даже дышал через раз, настолько интимным был этот момент. Натали, словно желая откинуть в сторону все рамки приличия, села Тому на колени, уложив голову ему на плечо. Он осторожно обнимал девушку, постепенно забывая напряжение министерства, наконец-то перестав чувствовать себя Альбусом Дамблдором.

— А мы ведь похожи, — грустно произнес Том. — С Дамблдором. И похожи во многом, у нас даже цели одинаково эгоистичны. И я мог бы стать таким же, кто разменивает чужие жизни на собственные желания.

Натали, щекоча своим дыханием, возразила:

— Ты не можешь быть в этом абсолютно уверен.

— Почему нет? Я мог бы стать и кем-то похуже. Меня тоже... Раньше и меня не заботило, что на пути к цели придется кого-то убить. И что платой за жизнь является не менее абстрактная жизнь... Гриндевальд многих убил в ритуалах. И большая часть, судя по всему, проводилась здесь, в Великобритании. Я мог бы стать таким же.

— Но ведь не стал, — Натали подняла голову, заглядывая ему в глаза.

— Если бы... Тогда, ты еще сказала, что тебе лучше уйти, пока я не решил убрать и тебя с

дороги. Я пошел в комнату своего предка и в тот день вполне мог стать причиной смерти девочки, которая в том туалете ревела.

— Но не стал, — улыбка у Натали была грустной.

Она вспомнила того Альбуса Дамблдора, который был ей знаком из книг. И она смотрела в эти глубокие зеленые глаза, обнимала парня за плечи и не могла поверить, что Том, ее Том, мог стать кем-то вроде книжного Волдеморта. Быть может, он несколько жесток. Но порой ее родители говорят более жестокие вещи. А он сомневается, старается не навредить, стать лучше. Улыбка ее стала уже не такой печальной:

— Но знаешь, все ведь зависит от твоего выбора. Возможно, Дамблдор когда-то тоже не желал никому навредить. Возможно, после смерти сестры он перестал так думать. А ты выбрал другой путь. Только ответь мне, пожалуйста: ты все еще мечтаешь о бессмертии?

— Нет, — Том легко поцеловал девушку и продолжил, - Ты ведь не мечтаешь о нем. Мне не нужна вечная жизнь, если нет тебя.

===== Глава 16. Мистер и миссис Реддл =====

Это был прекрасный августовский день. Небо в редких росчерках облаков, теплый ветерок, сад был наполнен пьянящим ароматом роз. Гости прибывали нескончаемым потоком, многочисленные помощники сбились с ног, провожая их на места. Дом был новый, он сверкал своей новизной, яркой черепицей, свежестью отделки. Сад, выращенный явно с помощью магии, также был заметно молод. Столь явная новизна могла бы показаться неправильной для англичан, которые так ценят историю, но случай был особенный. Это был не просто новый дом. Это был дом для молодой семьи. И это был дом для молодого Рода.

Все говорили, что Том Реддл, молодой заместитель главы отдела Магического Правопорядка, может стать самым молодым министром магии. Если бы выборы проводили сейчас, то Реддла бы непременно выбрали просто потому что он молод, хорош собой и талантлив. Его часто видели рядом с Министром. Ходили упорные слухи, что он оказывает заметное влияние на политику страны уже сейчас. Его окружали богатые и влиятельные друзья, он умел подать себя и, кроме всего прочего, сам стремительно богател.

Говорили и о невесте. В основном называли школьным прозвищем. Фея Слизерина. Доброта и отзывчивость — это не самые распространенные качества среди слизеринцев, тем более в таком искреннем, неприкрытом проявлении. И подумать только — сестра Антонина Долохова, того самого, что победил Гриндевальда в прошлом году. Лучший друг жениха, но, как брат невесты, сейчас пропадает где-то в доме.

Кто-то говорил, что они не пара, вспоминая десятки поколений чистокровных магов у невесты и отца-магла у жениха. Судачили о магловском поместье, где живут родственники Тома. Шепотом говорили о размере приданого. С непониманием оборачивались на тех, кто восхищался красивой парой и их столь заметной влюбленностью. И хотя Тома несколько раздражали эти шепотки и пересуды, он уже не обращал на них внимания. Долоховы правы. Еще пара лет и все эти сплетники забудут о чистоте крови, воображаемом мезальянсе, призрачных выгодах.

Сейчас Том стоял у алтаря и заметно нервничал. Макс, выполняющий обязанности шафера, отчаянно сдерживал улыбку. После того Тома, что жесткой рукой распоряжается

подчиненными, видеть его сегодня было непривычно.

— Я ровно завязал галстук? — опять обернулся Том.

— Да успокойся ты, — Макс вновь поправил ему галстук. — Ты же не на незнакомой девушке женишься.

— На любимой, — вздохнул Том. — Если бы на незнакомой, я бы с самого утра не изводил тебя вопросами.

— Значит, как расследовать крайне запутанное дело, отправить на пожизненное заключение в Азкабан вообще-то видного человека, так это не страшно, а как дожидаться прихода невесты, то всех вокруг достанешь требованием проверить и без того идеально завязанный галстук...

— Перестань. Это другое. То — работа.

Гости уже расселись по местам, по проходу бежал Генри, прикрывая глаза ладонью. На недоумение Макса Мальсибер ответил просто:

— Я не хочу, чтобы Том увидел Натали в моих мыслях.

— О, Мерлин! — взмолился Реддл.

Ожидание изводило его особенно сильно. Он и так ждал так долго. Целый год считал дни до каникул и походов в Хогсмит, писал длинные письма и мечтал вновь услышать ее голос. И вот, наконец, настал день, когда он сможет назвать ее полноценно своей. И это утро просто бесконечно.

Но ожидание не может длиться вечно. И вот между рядов потопала маленькая девочка, разбрасывая лепестки роз, а потом появилась и Натали. Всегда веселый Алексей явно едва сдерживал слезы, а Татьяна начала плакать еще до того, как ее дочь вышла. В белоснежном кружевном платье, почти невидимая за густой вуалью, она словно не касалась земли. Алексей вложил руку дочери в ладонь Тома, кивнул и шмыгнул, из последних сил сдерживая непрошеные слезы. Дочку он обожал. И хотя Тома он одобрил сам, теперь свадьба казалась ему слишком ранней. Она только школу окончила, а уже замуж.

Как и для Тома, для Наты этот день был бесконечно волнительным. Сборы невесты, платье, туфли, смешки одевавших ее девушек, всего будто не существовало. Она и боялась этого дня, и не могла дождаться момента, когда они принесут клятвы. И вот распорядитель, наконец, завершил свою долгую речь, торжественное «клянусь» прозвучало, белые голуби взмыли в небеса и их официально признали мужем и женой. Больше всего Том в тот момент жалел, что все эти люди не могут оставить их наедине хотя бы на несколько минут. Одного поцелуя ему было недостаточно.

Но свадьба уже требовала внимания виновников торжества. Их поздравляли, дарили подарки, все мужчины желали станцевать с невестой, все женщины — с женихом. Им позволили наслаждаться обществом друг друга лишь поздно вечером, когда сад освещали фонарики, а многие гости разбрелись обсуждать что-то отвлеченное, но не менее радостное. Том, нежно обнимая теперь уже жену, не сводил с нее глаз.

— Сегодня, кажется, самый счастливый день, — признался он.

— Я сегодня так же сказала маме, — улыбнулась Натали, — и она мне посоветовала дожидаться дня, когда у нас родится ребенок.

Том, тихо засмеявшись, наклонился к ней, целуя. Мысли о том, что у них будут дети, казались Тому даже слишком нереальными. Это, наверное, будет запредельное счастье. Он теперь может, не остерегаясь посторонних, называть ее любимой, милой, дорогой. Он улыбнулся еще радостнее, подумав о том, как будет приятно возвращаться домой. А потом вспомнил, что у них впереди целый месяц, их медовый месяц, и вновь поцеловал ее.

— А знаешь, у меня для тебя есть маленький подарок, — призналась Натали.

— Честно говоря, я думал, что ты — мой главный подарок.

Девушка легонько ударила его кулачком в грудь.

— Когда-то я считала, что никогда не смогу полюбить настолько, чтобы прочесть что-то подобное, — продолжила она, — но потом появился ты.

— Стих? Я люблю, когда ты читаешь...

Натали, смотря ему в глаза, начала:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,
У всех золотых знамён, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —

Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир! *

— Как много иносказаний, — грустно признался Том. — Объяснишь?

— У нас вся жизнь впереди, не так ли? — Натали сверкнула карими глазами и, встав на носочки, поцеловала Тома.

— А как называлось то стихотворение, что тогда читал Тони? Думаю, мне стоит его выучить.

* Марина Цветаева, 1916 год. Тут действительно много иносказаний. Но главное — это стихотворение о том, как может любить женщина. То есть всецело, не отдавая своего возлюбленного, будучи готовой даже поспорить с Богом, отняв его у смерти.

===== Эпилог. =====

Одним сентябрьским деньком четыре замужние дамы собрались на традиционный пятничный чай. И, как часто бывает у матерей, обсуждали преимущественно детей. Тем более было, что обсуждать. Вальбурга, горестно вздыхая, жаловалась на старшего сына.

— И ведь все началось с того, что он поступил на Гриффиндор. Учился бы на Слизерине, не было бы ничего подобного.

— Валя, дорогая, — Натали улыбалась, — Уж если Том, с таким-то предком, смирился с поступлением Алекса на Гриффиндор, то и тебе не стоит беспокоиться.

— Я уверена, что Алекс и Борис просто не смогли бросить Сириуса. Они же с самого детства вместе. Надо было его пороть в детстве. Но нет, я же его обожала. И теперь вот. Очередное письмо. Взорвали унитаз. Позор-то какой!

Натали, все еще улыбаясь, плеснула в чайную чашку подруги немного виски. Вальбурга, обреченно глянув на миссис Реддл, залпом выпила алкоголь. Старший сын, прежде главная гордость матери, поздний и долгожданный ребенок, теперь постоянно ее огорчал. Натали, помнится, залиристо смеялась, когда пришло то памятное письмо от сына.

«Пап, прости, но мы решили поступить на Гриффиндор».

Знаменитая выдержка Тома практически треснула по швам. Пришлось успокаивать Наследника Слизерина. Ну и заодно отчитывать старшего сына за громкий смех по этому поводу.

У ее мальчишек была большая разница в возрасте. Старший, Даниэль, был точной копией отца. Учился на Слизерине, стал лучшим учеником, блестяще сдал экзамены. Том гордился сыном, но немного расстроился, когда старший твердо решил заниматься наукой. Политика его не интересовала.

А в прошлом году в Хогвартс поступил младшенький. И — подумать только — выросший в доме практически потомственных слизеринцев, он поступил на Гриффиндор. Хотя хватило наглости объяснить свое решение желанием взглянуть на обучение в Хогвартсе с другой стороны. Благодаря этому событию женщины собирались на пятничный чай уже вчетвером. Натали пригласила миссис Поттер, которая разделяла с Вальбургой горечь от воспитания сына-

сорванца.

— Все же взорванный унитаз — это действительно перебор, — согласилась она. — Еще и в собственной спальне.

Женщины опять переглянулись и вздохнули. Звучало бы не так ужасно, если бы мальчишки, скажем, решили прокрасться в подземелья и там устроить пакость своим вечным соперникам. А унитаз, взорванный в гостиной Гриффиндора — это не столь смешно. Это даже не слишком-то по-гриффиндорски.

— Чем чаще я вас слушаю, тем больше радуюсь, что у меня девчонки, — вздохнула Друэрла.

— Тебе напомнить, к кому еще недавно приходило большинство гневных писем из школы? — не смогла удержаться от шпильки Вальбурга, — Потому что Белс была той еще штучкой.

— Кстати, Элла, нам нужно уже назначить день помолвки, — напомнила Натали, — Иначе мы станем бабушками до того, как сыграем свадьбу.

— Эта девчонка, — зло вздохнула Элла. — Я вообще не понимаю, как Даниэль ее терпит. Я ее мать, и то считаю ее невыносимой.

— Думаю, у него просто нет выбора, — усмехнулась Вальбурга, — Белс распугала всех девушек. Или ты забыла, что было написано в большинстве гневных писем из Хогвартса?

— Они — прекрасная пара, — успокоила спорщиц Натали. — Моему сыну нужен кто-то вроде Белс.

— Конечно, ты ее любишь, — вздохнула Друэрла, — У тебя дома она — просто образец идеальной девушки.

— Не считая тех моментов, когда мне приходится напоминать им о приличиях, — смущенно добавила Натали.

Беллатрикс, кажется, твердо решила стать миссис Реддл еще до школы. Дэн был достаточно спокойным, даже несколько флегматичным, поэтому мисс Блэк сама отгоняла от него невест, сама звала на свидания, и даже предложение бы сделала себе сама, но Дэн все же был не настолько флегматичен. Натали нравилось, как беспокойная Беллатрикс влияет на ее сына. С ней он много улыбается, дергает ее за тугие кудряшки, поет какие-то песенки. Таким он бывает только дома. И, если Беллатрикс удастся вытащить эту сторону ее сына, то Натали готова ее полюбить.

Натали с улыбкой рассматривая своих взрослых подруг. Друэрла, бросившая курить и пить джин по утрам, казалась уже другим человеком. Разумеется, это если не знать, кто дарит мальчишкам магловские пластинки с рок-музыкой и водит их в кино. Беллатрикс была похожа на мать характером, Натали все время ожидала увидеть девушку с отстриженными волосами и сигаретой. Но у Белс, как ее все называли, были другие увлечения. По большей части — Дэн и боевая магия. А вот младшие дочери не доставляли Элле хлопот, хотя у и них были странные увлечения. Например, Тед и «мама, я сбегу с ним». Или Люциус и, какая неожиданность, боевая магия. Натали уже была уверена, что у всех дочек Эллы есть одна общая проблема — они влюбляются раз и навсегда.

Вальбурга не переставала жаловаться на старшего сына. Любила его так сильно, как могут

только женщины, долго ждавшие ребенка. Сама она считает, что просто избаловала любимого сыночка. Но тут, скорее, необычно себя проявляет блэковский характер. Хотя и избалованность имела место быть. Долгожданный сын, наследник рода, к тому же талантливый мальчишка. Вальбурга была консультантом в Министерстве. Отказывалась до последнего, но Том ее уговорил. Вале льстило, что Министр Магии нуждается в ее советах.

Том получил должность в тот год, когда Дэн поступил в Хогвартс. И Натали стоило огромных сил удерживать их дом на этой шаткой грани между публичностью и семейным уютом. Но удавалось. Особенно когда по дому носятся три сорванца.

Тони женился поздно, привезя в Англию смешливую гречанку. Стоило догадаться, что эти двое просто не созданы для нормальной семейной жизни. Они бы, возможно, и Бориса таскали по всем своим командировкам, но тут в бой насмерть вступила Татьяна, требуя оставить внука ей, а не мучить переездами. Так Борис, наследник Долоховых, стал лучшим другом Алекса и Сириуса. Уже в Хогвартсе они познакомились с Джеймсом Поттером и Ремусом Люпином. Натали осторожно спрашивала, все пыталась понять, каким образом мог попасть в школу оборотень, если Дамблдор доживает свои дни в Азкабанае. Мальчик никуда не исчезал, болезненным не казался, об оборотнях ничего не знал. Мародеров получилось пять. Пять избалованных, обожаемых детишек, поэтому ночные дуэли, шутки над учителями и взорванные унитазы стали чем-то привычным для женщин за столом.

— Я же хорошо его воспитывала, — вздохнула миссис Поттер, — Он ведь добрый мальчик.

Ей вторило еще два грустных вздоха и подлое хихиканье Друзеллы. Мало того, что ее главный сорванец уже вырос, так еще и шалости мальчишек она считала очаровательными.

— Перебесятся, — раздался голос Тома от двери.

— Том! — удивилась Натали, она обняла мужа, как всегда буквально заставляя себя отпустить его. — Ты так рано?

— Решил посмотреть, что именно вы пьете по пятницам, — Том кивнул на бутылку на столе, — оказывается, хлещете виски чайными чашками.

— Наши дети взорвали унитаз, — Валя плеснула себе еще алкоголя, — По-моему, мы уже имеем полное право спиться по этому поводу.

— Да что ты знаешь о желании спиться, — покачал головой Том, — Представь, каково мне слышать подобное. От подчиненных. Когда я — министр магии. Взрослых дядей заставляю по струнке ходить, а с собственным чадом справиться не могу.

Женщины за столом вновь заулыбались, а Элла скромно предложила:

— Тебе плеснуть? В чайную чашечку?

— Я воздержусь. У меня сегодня вечером встреча. Скоро выборы.

— Третий срок? — уточнила миссис Поттер.

— Почему бы и нет? Я еще многое в этой стране не исправил.

— Например, не можешь утихомирить собственного отпрыска, — подсказала Вальбурга. — Не в обиду сказано, такая же проблема у твоего консультанта, между прочим.

— Может, все-таки, розги? — неуверенно спросил у жены Том.

— Да пожалуйста, — великодушно согласилась Натали. — Мы их всех сюда притащим, положим на лавочку, выдадим тебе розги и выйдем реветь в другую комнату.

Том, вспомнив этих сорванцов, тоже тяжело вздохнул. Поднять руку на младшего сына, кареглазого и смешливого любителя приключенческих романов, Том не сможет.

— Значит, перебесятся, — убежденно кивнул он. — Мы тоже когда-то были не столь добропорядочны, как сейчас. Ну, кроме тебя, дорогая, ты у меня идеал.

— Ладно, — вздохнула Натали, — Предлагаю коварный слизеринский план для наших бравых гриффиндорцев. Во-первых, ввести премиальные за каждый месяц без попадания.

— Ты предлагаешь нам напрямую заявить детям: шалите, но не попадайтесь? — удивилась Валя.

— Шикарный план, — не согласился Том. — Сына я люблю таким, как он есть. Краснеть над каждым письмом я не люблю.

— Я не закончила, — продолжила Ната. — Валя, готовь свои книги по анимагии.

— Это же опасно, — возразила Друэлла.

— Не более опасно, чем танцы на астрономической башне, прогулки с василиском и заигрывание с неподходящими парнями, — вновь поддержал жену Том. — Их нужно занять, иначе мы так и будем читать последствия их хаотичных увлечений.

— Какой кошмар, — вздохнула потомственная слизеринка, миссис Поттер, — На что только не пойдешь, лишь бы не краснеть за детей.

Дамы лишь снова грустно вздыхали. А вскоре начали собираться по домам. Дети их учились, поэтому домой никто из них особенно и не спешил. Когда последняя подруга по несчастью исчезла в камине, Натали села рядом с мужем на диван, привычно устроив голову у него на плече. А Том вновь почувствовал себя вполне счастливым. Где-то в глубине души он всегда хотел решать такие простые и нелепые проблемы, как сын-сорванец.

— А ты все еще мечтаешь о дочке? — едва сдерживая смех, спросил он у Натали.

— Мне жаль тебе об этом напоминать, но у нас скоро могут внуки появиться, — смеясь, ответила она ему.